

Герои романа "Колдун и Сыскарь" возвращаются

Вечная кровь

Алексей Евтушенко

Колдун и Сыскарь

Алексей Евтушенко

Вечная кровь

«Автор»

2023

Евтушенко А. А.

Вечная кровь / А. А. Евтушенко — «Автор», 2023 — (Колдун и Сыскарь)

ISBN 978-5-5321-2394-6

Когда в 2011 году вышла в свет книга Алексея Евтушенко «Колдун и Сыскарь», читатели немедленно захотели продолжения истории. И вот дождались. Встречайте! Частные сыщики Андрей Сыскарев и Ирина Москвитина, а также охотник за нечистью Симай Удача из Москвы 1722 года, снова с нами. Им предстоит разгадать тайну перехода в другое измерение и вступить в схватку со злом, рожденным еще во времена легендарной Атлантиды. И всё это в удивительном городе, которого нет ни на одной карте нашей страны. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2394-6

© Евтушенко А. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алексей Евтушенко

Вечная кровь

«Что это за человек, или что это за существо, так напоминающее человека?»

Брэм Стокер «Дракула»

© Алексей Евтушенко, 2023

Глава 1

Вампиров не существует

Десять утра, а в редакции уже пахнет так, словно здесь провел веселую ночь взвод егерей-гвардейцев. Ни в чем себе не отказывая. Смесь паров алкоголя, табачного дыма, пота, дешевого одеколона и духов.

Последние, впрочем, не особо выделяются – наши редакционные дамы в этом отношении солидарны с мужчинами и всегда предпочитают табак и виски парфюму. И не потому, что все из себя такие уж ярые суффражистки. Просто в накуренной комнате работать все-таки можно, а вот там, где двадцать минут посидела какая-нибудь облитая с ног до головы духами по пятнадцать грошей за флакон мадам Божену с улицы Святых Горлиц, – уже нет. Сначала долго проветривать, невзирая на погодные условия за окном.

А не пускать мадам Божену тоже нельзя, ибо ее вполне легальное, хоть и не слишком благонравное заведение, каждую неделю из месяца в месяц размещает на страницах наших «Вечерних известий» рекламу по самым высоким расценкам. И минимум на четверть полосы.

Кстати, о погодных условиях. Нынче за окном дождь.

Я не успел дойти до своего отдела уголовной хроники, как оттуда в коридор, словно грешник из ада, вывалился коллега Зина.

Его полное имя – Зиновий, отчество Орестович, а фамилия Карпинский. Ему тридцать девять лет, он трижды женат и трижды разведен и когда-то, говорят, подавал надежды как поэт. Все зовут его Зина и обращаются на «ты». Когда я пишу «все», то имею в виду не только нашего брата-газетчика, среди которого выкать друг другу не принято, но именно всех. Мужчин всех возрастов и сословий, включая уличных мальчишек. О женщинах не говорим – это другая статья.

Узел засаленного галстука сбился у Зины на сторону, в углу рта – потухший окурочек дешевой сигары, рожа небритая, глаза красные. Правая рука уже в рукаве плаща, левая делает упорные попытки попасть в другой рукав.

– Ярек! – с преувеличенным энтузиазмом воскликнул он. – Тут за тобой главный уже курьера хотел посылать. Но я отговорил, сказал, что ты будешь с минуты на минуту. Спас твою задницу, можно сказать.

– Ты о моей заднице не беспокойся, – сказал я. – Лучше о своей голове.

– А что моя голова? – насторожился Зина.

– А то, что, по последним данным медиков, винные пары разжижающе действуют на головной мозг.

– Брехня, – беспечно махнул рукой коллега. Он уже попал в рукав, застегнул плащ и теперь был готов добежать под дождем до «Веселого метранпажа», где ему нальют первый на сегодня долгожданный стаканчик. Долгожданный потому, что Зина не пьян, но с жесткого похмелья. Как настоящий газетчик, проснувшись, он не похмелялся – сразу в редакцию побежал, материал в номер сдавать. Теперь сдал и имел полное право. Десять часов и пять минут утра – самое время для первого стаканчика.

– Если бы. Я лично присутствовал третьего дня на вскрытии трупа Прилипалы в городском морге. Так у него, поверишь, не мозги, а чистый студень. Желе. Даже извилин почти не видно. Как пил Прилипала, ты знаешь. Особенно последнее время.

Прилипала был известнейшим в городе вором-форточником, способным по голой стене, цепляясь за малейшие выступы и русты, забраться с тротуара на крышу любого дома. Ну, почти любого. Отчасти свое прозвище он и получил, благодаря этой способности. Хотя боль-

шей частью все же из-за того, что любил выпить за чужой счет и если уж прилипал к какой компании, то отделаться от него было крайне сложно, если вообще возможно.

Погиб он глупейшим образом – сорвался по пьянке с узкого карниза пятого этажа во время попытки проникновения в богатую квартиру одного торговца мебелью, о чем я лично давал короткую заметку в двести слов в позавчерашнем номере.

Несколько секунд Зина не сводил с меня воспаленных глаз, стараясь определить, разыгрываю я его или нет, и, не определив, удалился по коридору в явной задумчивости. Вот и хорошо. Глядишь, и половиной стаканчика на сей раз обойдется. Хотя вряд ли. У всех репортеров всех трех крупных городских газет особым шиком считается выполнять свои профессиональные обязанности подшофе и при этом не допускать фактологических, грамматических и стилистических ошибок. Не говоря уже о том, чтобы задержать материал или не сдать его вовсе. Мне приходится прикладывать воистину героические усилия, дабы соответствовать.

К спиртному я равнодушен, и от четырех-пяти рюмок сливовицы, которую предпочитают коллеги в том же «Веселом метранпаже» у меня обычно начинает болеть голова. Другое дело – хороший коньяк. Но и того я редко выпиваю больше ста пятидесяти граммов за вечер. Во-первых, дорогое удовольствие, а во-вторых, – зачем? Ста пятидесяти вполне достаточно для расслабления и веселья, а со *zanadto, to nie zdrowo*, как часто говаривала моя бабушка-полька, Царствие ей Небесное. Да и не только она. Я и сам так говорю часто. Благо в Княжече польский разумеют все. И, соответственно, на нем читают и говорят. Равно как и на русском, украинском, идише и немецком. На последних двух, пожалуй, уже не все, но очень многие. И дело не только в том, что наш город многонациональный, таких в Российской империи хватает. Просто в Княжече так принято, поскольку за свою долгую историю он кому только не принадлежал. И жители привыкли владеть одновременно несколькими языками, чтобы в любой момент быть готовыми принять один из них в качестве государственного и основного.

Но мы отвлеклись...

Наш секретарь Фелиция, не выпуская из зубов дымящуюся папиросу, работала за пишущей машинкой «Ундервуд», как пулеметчик за пулеметом Максима. Та-та-та-тататата-та, татата-тата – разносились по приемной скупые и точные очереди ударов по круглым бакелитовым клавишам с блестящими медными ободками.

– Привет, Фелиция!

– Привет, Ярек. У себя.

Дверь в кабинет главного раскрыта, но я все равно постучал.

– Кому там жить надоело? – спросил хриплый баритон из глубины кабинета, и по этой фразе я сразу понял, что настроение у главного рабочее, можно общаться.

Вошел, не снимая плаща и шляпы. А зачем, если сейчас наверняка снова под дождь?

– Дверь закрой и садись, – скомандовал главный.

Закрыл, прошел, сел. Сдвинул шляпу на затылок, умеренно демонстрируя независимость.

– Записывай. Улица Кожевников, дом семь, квартира четыре, второй этаж, вход со двора.

Достал блокнот и карандаш. Я запомнил адрес, но все равно записал, это профессиональное. Память может подвести. Запись – никогда.

– И что там? – спросил я. – Убили кого-нибудь?

– Семью, – пожевав губами, сообщил главный. – Вроде бы. Семь... нет, уже восемь минут назад мне наш человек из городской полицейской управы позвонил. Обходится недешево, но отрабатывает честно. Так что давай, отправляйся, и жду от тебя пятьсот слов в номер. На первую полосу.

– Пятьсот? – удивляюсь. – Не много? Или вы чего-то не договариваете?

– Убита семья из пяти человек, – веско произнес главный. – И не какая-то шелупонь с Овражной, вполне уважаемые люди, честные налогоплательщики. Муж, жена, трое детей –

мальчик и девочки. Четырнадцать, десять и семь лет. Мало тебе? Причем мне намекнули, что имеют место некие довольно необычные и даже где-то феноменальные обстоятельства.

– Какие именно?

– Вот ты и разберись. И помни, до двенадцати материал должен быть в наборе.

– Эй! – возмущенно воскликнул я.

– Ладно, до половины первого, – милостиво разрешил главный. – Но это крайний срок, и только для тебя.

А вы говорите, плащ и шляпа. Репортеру нашей газеты иногда папиросу спокойно выкурить некогда, не то что раздеться. Хорошо, что я курю трубку и только в спокойной обстановке. Хотя бы относительно.

Я сбежал по ступенькам, выскочил под дождь и огляделся в поисках дежурного лихача – обычно один или два ожидают неподалеку от здания редакции. До улицы Кожевников пешком минут десять, но время уже дорого. И дело не в том, что три часа до сдачи материала – мало. Наоборот, за глаза. Просто знаю по опыту, что в таких делах важно идти по горячим следам, тут работа газетчика мало чем отличается от работы сыскаря.

Ага, вон и лихач нарисовался из-за угла.

Коротко свистнул, махнул рукой и, не дожидаясь, пока колеса перестанут крутиться, вскочил в пролетку с поднятым от дождя верхом:

– На Кожевников и повеселей!

– Это к дому, где сегодня ночью три семьи зарезали?

Вот черти! Три семьи, надо же. Почему не четыре? Или уж сразу не весь дом?

– Туда, – говорю. – Только не три, и не зарезали.

– Ух ты, а сколько и как?

– Читай сегодняшний номер «Вечерних известий», не ошибешься.

– Так я и читаю, – охотно сообщил лихач. – Ни одного номера не пропускаю. Очень мне нравится, как вы пишете, пан Ярек.

– Ты меня знаешь? Что-то я тебя не припомню, извини.

Он повенул ко мне молодое, улыбчивое, влажное от дождя лицо:

– Я недавно колешу, но уже два раза вас возил. Это третий. Меня Рошик зовут. Рошик Лошадник с улицы Глубокой.

Ишь ты, видать, и впрямь парню нравится моя писанина, раз так раскрывается. Не иначе, сам мечтает стать репортером. Что ж, какие только мечты не бродят в юных головах. Я, помнится, примерно в его годы тоже хотел стать знаменитым писателем. Потом прошло. Или почти прошло, скажем так.

Цокая копытами по мокрой брусчатке, гнедая кобыла резво свернула на Кожевников. Дождь не переставал.

Княжеч много чем славится. Но дожди здесь особенные. Они никогда не навевают скуку, даже если идут сутки или больше подряд (бывает и так). Грусть, меланхолию, желание немедленно принять сто граммов коньяка и запить его чашечкой свежесваренного кофе – сколько угодно. Но только не скуку. Может быть, это из-за того, что в городе отменно работает ливневая канализация и, в силу его расположения на холмах, почти нигде и никогда не бывает луж? Потому что, согласитесь, лужа, да еще большая и грязная – это очень скучно. Я пару раз бывал в центральных губерниях России, в провинции, могу засвидетельствовать. Нет, господа, ливневая канализация – это визитка цивилизации, уж простите за рифму. Ну и дороги, конечно...

– Тпру-у! – осадил лошадь Рошик. – Приехали, господин Ярек. Вас подождать?

– Пожалуй, не стоит. Неизвестно, насколько я задержусь. Держи, сдачи не надо, – я сунул ему монету.

– Спасибо. Если что, спросите на Глубокой Рошика, вам всякий укажет, где меня там найти. Доставлю хоть днем, хоть ночью. Куда надо и кого надо.

– Учту, бывай.

Вот он, дом номер семь. Три этажа, пять окон по фасаду, арочные ворота. Дом как дом, ничего особенного, таких в городе сотни. Я вошел во двор, с черного хода поднялся на второй этаж. Квартира номер четыре – дверь справа от лестницы. Приоткрыта, слышны негромкие мужские голоса.

Не стучась, вошел. Бесцеремонность – важнейшее качество репортера, без которого в профессии делать нечего. Хочешь чего-то добиться – не тушуйся. Будь нахален, ловок и напорист. Веди себя всегда и в любом месте так, словно ты имеешь полное право здесь находиться. И все будет хорошо. В большинстве случаев...

В прихожей, развалившись сразу на двух стульях, дремал пожилой вислоусый квартальный. Пусть дремлет, будить не станем. Я неслышно прошел в спальню, откуда доносились голоса.

Трое мужчин одновременно повернули в мою сторону головы. Всех троих я знал. Леслав Яруч – ведущий агент сыскного отделения городской полицейской управы (среднего роста, под сорок, с острыми скулами и носом и карими, вечно прищуренными внимательными глазами), а также врач и фотограф оттуда же.

– Салют, ребята, – произнес я, как можно уверенней. – Надеюсь, я первый?

– Как всегда, – кривовато усмехнулся Леслав, пожимая мне руку. – Давно говорю, Ярек, что тебе с твоей прытью у нас нужно работать.

– Благодарю покорно, меня и в газете неплохо кормят, – ответил я привычно. – К тому же на государственную службу у меня идиосинкразия. При всем уважении к службе.

– Что-что у тебя на государственную службу?

– Извини. Организм мой ее не принимает. Что тут стряслось, поделитесь?

– Ты ж все равно не отстанешь. Как та идио...синкразия, – Яруч хоть и с запинкой, но точно повторил незнакомое слово. Профессионал, уважаю. – Смотри сам. Только руками ничего не трогай, и пятнадцать минут тебе на все про все. Два тела здесь, детские трупы в других комнатах. А я, пожалуй, выйду, покурю.

Два тела я заметил сразу, как вошел. Теперь посмотрел внимательней.

Мужчина и женщина на широкой семейной кровати. Видимо, муж и жена. Он в пижаме, на ней – ночная рубашка в мелкий цветок. Лица и кисти рук белые, как стена, ни кровинки. Лежат спокойно, укрытые по грудь одеялом, словно продолжают спать. Теперь уже вечным сном. Не старые еще, до сорока.

Я оглядел спальню. Следов борьбы и последующего грабительского шмона не видать. Пара ящиков дорогого, инкрустированного перламутром туалетного столика, не задвинуты до конца. И распахнуты дверцы платяного шкафа, но это наверняка Яруч шерстил – проверял, что пропало из ценных вещей. Крови тоже не заметно. Снова перевел взгляд на мертвых. Отчего они умерли?

Стоп. А это что?

Я подошел ближе, склонился над кроватью, всмотрелся. На шеях трупов – небольшие круглые аккуратные ранки. По две на каждой в районе сонной артерии. Как будто... Фу ты, ерунда какая-то.

Вопросительно посмотрел на врача.

– Да, – кивнул он. – Первичный осмотр показывает, что смерть наступила вследствие большой кровопотери. Очень большой. Такое впечатление, что кровь...э-э... откачали. Как раз через эти раны.

– Или отсосали, – вставил фотограф, складывая штатив. – Хотя меня, конечно, никто не слушает.

– О, черт! – сказал я. – Вы это серьезно?

– Куда уж серьезнее, – ответил фотограф. – Там, в комнатах, еще три трупа. С точно такими же дырками на шеях. Мальчик и две девочки. Они даже проснуться не успели, как и мама с папой. Вы знаете, что по некоторым данным вампиры не просто сосут кровь, а сначала через свои клыки, как змеи, впрыскивают специальное парализующее вещество – яд, который невозможно обнаружить современными лабораторными методами?

– Первый раз слышу, – сказал я искренне.

Я и впрямь первый раз это слышал. Зато прекрасно видел, что фотограф напуган. И сильно. Хотя держится – профессионал, как-никак.

– Такое возможно? – спросил я у врача. – Я не о вампирах, о веществе, которое нельзя обнаружить.

– Все возможно в наш сумасшедший век, – пожал тот плечами.

– А когда примерно наступила смерть?

– Между тремя ночи и четырьмя утра.

– Самое глухое время.

– Да уж...

На мертвых детей смотреть не хотелось, но я себя заставил – мне нужно было видеть и общую картину, и детали.

Черт, детей жалко. Всегда жалко детей, хотя у меня и нет своих. Потому что дети никогда и ни в чем не виноваты, но страдают наравне со взрослыми. И умирают тоже.

Нет, надо все-таки покурить.

Набивая на ходу трубку, я отправился на лестничную площадку к Яручу.

Квартальный в прихожей уже проснулся и, хлопая глазами, смотрел на меня.

– Посторонним запрещено, – произнес он голосом, в котором, впрочем, не чувствовалось должной уверенности.

– Все нормально, господин полицейский, – сообщил я доверительно. – Мне можно.

На галерее Яруч курил уже вторую папиросу – затоптанный окурочок первой валялся на полу, выложенном керамической плиткой. Я закурил и затем под его диктовку записал данные погибших – имена, фамилию, возраст, род занятий. Обычная семья, не бедная, но и не богатая, пользовалась уважением соседей. Честные плательщики налогов, как сказал бы мой шеф.

– И что ты обо всем этом думаешь? – спросил у Яруча.

– Не для печати?

– Договорились.

– Тухлое дело. Ни следов, ни мотивов. Соседи ничего не видели и не слышали. Внизу, в дворничкой, собака живет. И та не залаяла. Дворник говорит, чужого обычно чует за двадцать шагов. А тут – ноль, ухом не повела.

– Деньги, драгоценности, дорогие вещи?

– Все цело. Во всяком случае, на первый взгляд.

– Месть?

– Пока не знаю, – покачал головой Леслав. – Будем копать.

– А как преступник проник в дом?

– Судя по всему, через дверь. Но не с помощью отмычки. Или ему открыли сами хозяева, или у него был ключ.

– Вампир, я слышал, сам войти в дом не может. Нужно, чтобы его пригласили.

– И ты туда же, – поморщился Яруч. – Дешевой сенсации, что ли, ищешь? Не ожидал от тебя. Какие, на хрен, вампиры в наш просвещенный век? Я двадцать лет в угрозыске и ни разу не встречал никаких вампиров.

– Я тоже, но...

– Ярек, – он посмотрел на меня глазами, в которых мерцал холодный огонь, – я тебя уважаю, поэтому скажу один раз. А ты запоминай. Ни вампиров, ни оборотней, ни злых колдунов

и ведьм, ни прочей мистической чепухи не существует. Всякое преступление совершает человек. Да, иногда оно бывает настолько чудовищным и запутанным, что впору поверить в сверхъестественные силы. Но это от слабости. Надо просто как следует напрячься и найти истинную причину и настоящего виновника. И, поверь, виновником этим всегда окажется человек. Всегда.

– А как же нераскрытые преступления? «Глухари»?

– «Глухари» – это те дела, на которые у полиции не хватило сил и времени.

– Или желания, – усмехнулся я.

– Или желания, – спокойно согласился он.

В редакцию я вернулся, когда часы показывали половину двенадцатого. На пятьсот слов у меня ушло двадцать пять минут. Справился бы и быстрее, но не сразу удалось подобрать верную интонацию. Таковую... одновременно интригующую и доверительную. С толикой сенсационности. Куда ж без нее? «Вечерние известия» – газета солидная, горожане нас как раз и ценят за достоверность излагаемых фактов, но без перчинки все равно нельзя – тираж упадет.

Ровно в четверть первого заметка под не слишком оригинальным, зато точным заголовком «Загадочное убийство на улице Кожевников» ушла в набор. Я еще минут двадцать посидел в редакции, доделывая мелкие дела вроде разбора почты, и затем отправился обедать. Некоторые думают, что хороший репортер ест на бегу. Иначе, мол, никуда не успеет. Нет, господа. Все ровно наоборот. Это плохой репортер вечно жует на бегу, потому что не умеет правильно распределить время. А хороший предпочитает есть вкусно и, не торопясь. Желательно на белой скатерти. И, конечно, чтобы не слишком дорого. Я не миллионер.

Поначалу ноги по привычке понесли меня в «Веселый метранпаж», но на половине дороги я передумал. В «Метранпаже» полно знакомых газетчиков, которые уже пронюхали про загадочное и жуткое (данный эпитет я из заголовка убрал – слишком длинно получалось, избыточно, не мой стиль) убийство на улице Кожевников и наверняка пристанут с расспросами. Не хочу. Тишины хочу. И спокойствия. И одновременно новых вкусовых впечатлений.

Я остановился, сдвинул шляпу на затылок, задумался. В городе полно заведений, где можно вкусно и недорого поесть, но те, что находились в непосредственной близости, по разным причинам меня не устраивали. А ехать куда-то специально не хотелось. Наконец я вспомнил о новой ресторации, что открылась неподалеку от городской научной библиотеки. Кто-то мне говорил, что заведение вполне приличное, не пафосное, официанты вежливые, и народу не много – в основном сотрудники и посетители библиотеки, а также преподаватели расположенного неподалеку Университета. Сходить, что ли, оценить? Крюк небольшой, минут десять. Схожу, пожалуй. Заодно сойду с привычного маршрута. Хотя, если подумать, практически любой маршрут в городе был для меня привычен.

Об этом я и размышлял те десять минут, пока шел к ресторации. В Княжеч я приехал в возрасте семнадцати лет. Сейчас мне двадцать семь. Получается, я топчу его улицы и переулки уже десять лет. Пять, пока был студентом, и пять в качестве корреспондента городской газеты. Не хвастаясь, могу сказать, что за это время Княжеч изучен мной досконально. Думаю... да что там думаю – знаю! – что нет улицы, переулка, тупика, сквера, пустыря или уголка в любом из нескольких городских парков, где я не побывал бы хоть пару раз. От центра и до самых окраин. А так как память у меня профессиональная, то дорогу я обычно запоминаю с первого раза. Поэтому стоит сосредоточиться, и можно вызвать в воображении весь город, целиком. С горами Княжьей и Гарнизонной и речкой Полтинкой со всеми ее изгибами и семью мостами; с клубком мощенных брусчаткой улиц; со средневековыми домами-кварталами внутри Старой крепостной стены, от которой осталось лишь несколько фрагментов; с кварталами поновее (что такое две-три сотни лет? Смешно!) в пределах Новой крепостной стены (совершенно не сохранившейся, на ее месте теперь ломаная линия городских бульваров); и современными кварталами, построенными, в том числе, с использованием модного материала – бетона, от пяти до

тридцати лет назад и продолжающими строиться. Город растет. Возможно, не так быстро, как Москва или Париж, не говоря уже о промышленных полисах Северо-Американских Соединенных Штатов вроде Нью-Йорка или Чикаго, но все-таки растет. Триста одиннадцать тысяч человек как-никак, если верить переписи прошлого года.

Ага, вот, кажется, и она, ресторация. Название на польском «Pod naszą górą». «Под нашей горой», значит. Правильно, под чьей же еще. Зал под крышей на первом этаже трехэтажного дома и открытая терраса, врезанная в склон Гарнизонной горы. Я выбрал зал под крышей.

К моему удивлению, все столики оказались заняты. Надо же, а заведение-то, оказывается, пользуется популярностью. Что ж, тем более интересно, как здесь кормят. Я уж было собрался развернуться и отправиться на террасу, где свободных мест было в избытке, как мгновенно возникший, словно из зеркала в вестибюле вышедший, метрдотель сообщил, что, если я не против, можно пообедать во-он за тем столиком у окна, где ожидает своего заказа одинокий пожилой господин с газетой.

– А господин... – начал я, предполагая, что метрдотель ответит на мой вопрос до того, как я его задам.

– Господин чаще всего обедает в одиночестве, но сегодня, как он сам сказал, не против приятной компании, – с готовностью оправдал мои предположения метр.

– По-вашему, моя компания будет ему приятной? – хмыкнул я.

– Не вижу, почему бы почтенному архивариусу и репортеру приличной городской газеты не составить приятную компанию, – сказал метрдотель. И дипломатично, но в тоже время свойски, улыбнулся.

Надо же, второй раз за сегодня меня узнают люди, которых я вижу впервые. Это что, слава? Но, не скрою, приятно.

– Уговорили, – сказал я. – Давайте попробуем.

Плащ и шляпу я оставил на вешалке, а сам прошел к столику.

– Прошу извинить, мне сообщили, что вы не будете против компании.

– Не буду, – он улыбнулся мне на удивление белыми и здоровыми для его возраста зубами и отложил газету. Утреннюю «Miejskie życie» на польском. – Прошу!

– Благодарю вас, – я сел.

– Иосиф Казимирович, – представился он. – Местный архивариус. С кем имею честь?

– Ярослав Дрошкевич, репортер. Можно просто Ярек.

– Вы – Ярек Д. из «Вечерних известий»? – в его голосе прозвучала заинтересованность.

Подошел официант. Глянув в меню, я быстро сделал заказ (луковый суп, стейк с кровью, кружка пива), откинулся на спинку стула и посмотрел на своего собеседника. На вид Иосифу Казимировичу было слегка за семьдесят. Седые, довольно еще густые, зачесанные назад волосы. Аккуратно подстриженные седые же усы. Светло-голубые глаза, глубокие морщины от крыльев носа к подбородку. Несколько старческих коричневых пятен на коже рук. Некогда хороший, а теперь повседневный темно-синий костюм-тройка в тонкую белую полоску. Галстук в горошину с ослабленным узлом. Пиджак расстегнут.

– Он самый. Это плохо?

– Отчего же, наоборот. С удовольствием читаю ваши репортажи.

Я покосился на «Miejskie życie».

– Стараюсь читать все газеты, – пояснил он, заметив мой взгляд. – Человек, не читающий газет, неизбежно отстанет от жизни.

– Вот как! – засмеялся я. – Некоторые считают иначе. Газеты, мол, плодят обывателей, не способных мыслить самостоятельно, подсовывают людям жвачку для мозгов и души вместо настоящей пищи.

– Те, кто так считает, настолько же ограничены, как и те, кто вовсе не умеет читать, – сказал он. – Вероятно, газеты не нужны гениальным философам и святым. Но думать, что все должны быть таковыми – большая глупость.

Официант принес напитки (пиво мне и стакан с вермутом и плавающей в нем долькой лимона для Иосифа Казимировича).

– Сейчас будет суп, – сообщил он и с достоинством удалился.

– Я тоже заказал луковый, – сказал мой собеседник и поднял стакан:

– Ваше здоровье.

– Ваше здоровье.

Он сделал глоток, я – три.

– Как вермут? – спросил я.

– Спасибо, неплох. А как вы догадались, что это вермут?

– Запах, – я дотронулся указательным пальцем до кончика носа.

– Хорошо быть молодым, – вздохнул он. – Впрочем, я не жалеюсь.

Вскоре появился суп, и некоторое время мы молча ели. Суп был хоть и не высшего класса, но весьма неплохим.

– Скажите, Ярэк, – обратился ко мне Иосиф Казимирович, когда наши тарелки опустели. – Раз уж случай нас познакомил, грех не воспользоваться... Вы не замечали в городе за последнее время странных необъяснимых событий?

– Смотря что таковыми называть, – пожал я плечами, а про себя подумал: «Господи, сделай так, чтобы этот милейший человек не начал мне сейчас с жаром рассказывать про загадочный шум у него за стеной, полтергейсте или движущихся огнях в небе».

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что в нашем городе ежедневно происходит масса событий, часть из которых кто-то обязательно назовет странными и необъяснимыми. Взять моего соседа по дому пана... назовем его пан Михась, чтобы не компрометировать человека. Так вот, он утверждал, что у него из холодной комнаты самым таинственным образом исчезает коньяк. Из запечатанных бутылок. При этом ни жена, ни пятнадцатилетняя дочь-гимназистка, не говоря уже о двенадцатилетнем сыне, в пьянстве не замечены.

Я умолк и потянулся к пиву.

– И...? – спросил Иосиф Казимирович, отпив вермута.

– Дошел до того, что грешил на нечистую силу. Хм... прошу прощения за оксюморон. Домовой, говорил, балует. Совсем человек извелся, даже священника приглашал – квартиру освятить. Не помогло. Знаете, что оказалось? Его пятнадцатилетняя дочка-гимназистка по уши влюбилась в пьяницу-студента из нашего политехнического, гениального, по ее мнению, и, разумеется, никем не признанного поэта. Папенькин коньяк она для него таскала. Да так ловко, что никто ее поймать не мог за этим делом. Сама призналась, когда увидела, что отцу натурально грозит психическое расстройство. Да и студент, говорят, ее разочаровал, потому как бросил пить, кропать дурные вирши и взялся, наконец, за учебу.

Иосиф Казимирович рассмеялся и принялся разделявать запеченную форель, которую ему только что принесли.

– Забавно, – сказал он. – Кажется, я понимаю, о чем вы говорите.

– Рад, – улыбнулся я.

– Но имею в виду несколько иное.

– Что же?

– События, которым вы сами не можете дать объяснения. Ни вы, ни, скажем, полиция.

О как. Я немедленно вспомнил о том, что произошло сегодня ночью на улице Кожевников, и насторожился. Мой нос чует не только вермут в стакане за метр, но и настоящую сенсацию. Иначе я не стал бы заниматься тем, чем занимаюсь. Не люблю работать вхолостую.

– Время от времени такое происходит, – сказал я осторожно. – Как раз в сегодняшнем номере нашей газеты на первой полосе будет описан похожий случай. Мной и описан.

– Убийство?

Я уловил шаги официанта за спиной, вместе с которыми донесся и запах стейка. Наконец-то.

– Оно, – ответил, берясь за вилку и нож.

– С моей стороны не будет большим нахальством попросить вкратце изложить суть дела?

– Будет. Но не слишком большим. В конце концов, через... – я вытащил из жилетного кармана свой Breguet, – два часа и сорок минут сегодняшний номер увидит свет, и эта история станет известна всем.

Между кусками стейка (неплох, неплох) и глотками пива я вкратце рассказал об убийстве на улице Кожевников.

Иосиф Казимирович выслушал меня с величайшим вниманием. Впрочем, не забывая о своей запеченной форели и вермуте. Мой рассказ закончился одновременно с ними, а также со стейком и пивом.

– Кофе, – утверждающе сказал Иосиф Казимирович. – После пива, вероятно, не совсем правильно, но я все равно рекомендую. Здесь варят хороший кофе.

– Немного в нашем городе найдется мест, где варят плохой кофе, – сказал я.

– Это верно, – согласился он.

В ожидании кофе мы закурили. Он тоже курил трубку, и я обратил внимание, что его правая рука с горящей спичкой ощутимо подрагивает.

– Старость, – сказал он, заметив мой взгляд.

– Вы не похожи на старика. И на пьяницу, у которого с перепою дрожат руки, тоже не похожи.

– И тем не менее, – вздохнул он. Пыхнул два раза трубкой, наклонился ко мне, понизил голос и добавил:

– К тому же, не скрою, мне страшно.

– Бросьте, – сказал я. – У нас через день кого-то убивают. Что же теперь? Город есть город. Да еще такой, как Княжеч. Перекресток дорог, свобода торговли и предпринимательства с одной стороны и вечная неуверенность в завтрашнем дне с другой. То русские без нас жить не могут, то поляки, то австрийцы с мадьярами, то германцы, то снова русские. И каждый норовит устроить здесь кровавую заварушку. Отсюда наше философское отношение к жизни. Отсюда же и все наши гении, преступники и сумасшедшие. Хотя готов согласиться, что последнее утверждение спорно.

– Это сделал не сумасшедший, – покачал головой Иосиф Казимирович.

– А кто, по-вашему?

– Я ведь не зря спросил вас о странных и необъяснимых случаях. Видите ли, я работаю в историческом городском архиве. То, о чем вы рассказываете, уже случалось. И не один раз.

– Разумеется. Ничто не ново под луной.

– Вы не поняли. Именно такие смерти, как вы мне описали. Один к одному. Из человека словно высасывают досуха всю кровь. Это было сто двадцать лет назад. И двести сорок. Триста шестьдесят и четыреста восемьдесят лет назад. Это только малые циклы. А есть еще большие...

Бесшумно возникший сбоку официант поставил на стол поднос с кофе.

– Благодарю, – сказал я. – И принесите счет, пожалуйста.

– Сию минуту...

– Два счета, – сказал ему в спину Иосиф Казимирович. Официант изобразил плечами и лопатками понимание и удалился.

– Вижу, вы мне не верите, – сказал архивариус.

– Честно? – вздохнул я.

– Желательно.

– Я верю, что вы действительно обладаете некими интересными историческими фактами, – сказал я. – Готов даже поверить в то, что древние хронисты ничего не придумали от себя, а изложили их так, как слышали. Но также я уверен, что вы, скорее всего, неверно эти факты истолковываете. Ищете зловещую систему в хаосе случайностей. Тайный заговор там, где нет ничего, кроме бытовых ссор на почве ревности или, в крайнем случае, сумасшедшего маньяка, чье поведение не может зачастую объяснить даже современная психиатрическая наука, не говоря уже о той, что существовала сто двадцать и, тем более, двести сорок или четыреста восемьдесят лет назад.

– Тогда все подобные преступления списывались на одержимость дьяволом, – заметил Иосиф Казимирович. Казалось, его совершенно не расстроило мое отношение. – Если убийцу ловили, его подвергали обряду экзорцизма, а затем казнили. Отрубали голову, как правило. Но, бывало, и сжигали, топили в Полтинке и даже забивали в сердце осиновый кол.

– Это тем, кого считали вампирами?

– Им самым.

Он поднес чашку ко рту и обнаружил, что она опустела.

– Знаете, что, давайте продолжим наш разговор завтра? – предложил архивариус. – Если вы, конечно, захотите. Подумайте над моими словами сегодня, и посмотрим, что произойдет в городе за ночь. Искренне надеюсь, что ничего страшного. Но... В общем, если надумаете, приходите завтра в городской архив. Часам к шести вечера. Знаете, где это? Прошу прощения за дурацкий вопрос.

Я кивнул. Городской исторический архив располагался в старинном здании Арсенала. Там, где раньше дожидалось своего часа оружие, теперь хранились древние рукописи, архивные записи и книги. Тоже своего рода оружие, если разобраться.

– Спросите Белецкого Иосифа Казимировича. Это я. Буду вас ждать, – он отодвинул стул и поднялся. – В конце концов, вы замечательный репортер, не разочаровывайте меня. Неужели вам не любопытно? Здесь пахнет сенсацией века. И я отдаю ее вам.

– Эх, Иосиф Казимирович, – вздохнул я. – Если бы вы знали, сколько сенсаций века шлют нам читатели с почтой ежедневно в редакцию, вы бы глазам не поверили. Это не считая тех, кто является лично и жаждет поведать оную сенсацию устно. Хорошо, что один из наших редакторов – бывший чемпион Княжеча по французской борьбе. В полутяжелом весе. Когда дело совсем плохо, мы его зовем.

Он засмеялся. Я тоже.

– А я вам ничего больше не буду рассказывать. Покажу документы, сами посмотрите. Попросите – объясню и прокомментирую. Выводы сделаете сами. И, если докажете мне, что я просто-напросто старый маразматик, буду вам весьма благодарен. Потому что с некоторых пор мне и впрямь очень страшно. Всего доброго, очень надеюсь на нашу завтрашнюю встречу.

Он коротко поклонился, повернулся, пересек зал и вышел на улицу.

Глава 2

Исчезнувшая

Северо-восточный ветер ерошил Язу, и солнечные блики во множестве прыгали по серо-голубой водной ряби, заставляя щурить глаза. «Хороший денек, – подумал Андрей. – Чего не скажешь о неделе в целом. Да что там о неделе. Не будем кривить душой – весь год не задался».

Андрей Владимирович Сыскарев по прозвищу Сыскарь, высокий мужчина тридцати лет, с длинными сильными руками и острым худым лицом, на котором выделялись внимательные, чуть насмешливые серые глаза, стоял на Лефортовском мосту, облокотясь на перила, и курил. В речной воде отражалось голубое московское небо сентября и белые пухлые облака. Бабье лето в этом году не спешило уступать место осенней непогоде, – всю последнюю неделю было тепло и сухо. Сыскарь докурил сигарету, привычным щелчком отправил окурочек в Язу, тут же пожалел об этом (нечего мусорить в родном городе, пижон!), вздохнул и направился через мост на левый берег, к Лефортовскому парку. Торопиться ему было решительно некуда, поэтому мысль выпить где-нибудь кофе показалась весьма конструктивной.

В этом районе Сыскарь не был несколько лет и не помнил, есть ли в парке какое-нибудь заведение, где ему дадут кофе. Можно было проверить с помощью смартфона, но там заканчивался заряд аккумулятора, и Сыскарь не хотел лишний раз его включать. Вдруг важный звонок, а он не сможет ответить?

Заведение в парке было. Он сел за столик на открытом воздухе, жестом показал молодой темноволосой официантке, что желает сделать заказ. Девушка подошла и положила перед ним меню.

– Двойной «американо», какой-нибудь вкусный рогалик и пепельницу, – сказал Сыскарь.

– Рогаликов нет. И у нас не курят.

– Тогда два блина с икрой. По-нашему, по-русски. И пепельницу.

– У нас не...

– Тогда буду вынужден использовать в качестве пепельницы блюдце, – Сыскарь посмотрел на бейджик, приколотый к белому фартуку с кружевами. – Вас Таня зовут? Очень хорошо. Замечательное имя. А меня Андрей, – он улыбнулся самой своей обаятельной улыбкой. – Вы давно здесь работаете, Танюша?

– Второй день, – официантка неуверенно улыбнулась и чуть покраснела.

– Второй день! Прекрасно. Значит, это вы по незнанию. Уверен, что если вы обратитесь с этим вопросом к вашему непосредственному начальству, то оно безоговорочно разрешит мне курить здесь, на открытой террасе. Потому что такова воля клиента, а она, как известно, закон. Который в данном случае выше того идиотского антитабачного закона, который некогда приняла наша, несомненно, уважаемая, но не всегда мудрая Госдума. Согласны со мной? Вот и чудно! Жду вас с кофе, блинами и пепельницей. Да, чуть не забыл! Раз уж я к вам зашел, и вы так любезны, что разрешили мне курить, принесите заодно пятьдесят граммов коньяка.

– Какого?

– Плохого не нужно точно. «Мартель» есть у вас?

– Да.

– Вот и принесите.

Он благосклонно кивнул. Официантка Таня улыбнулась более уверенно и отошла от стола. Сыскарь посмотрел ей вслед, с усмешкой отметил, что амплитуда покачивания бедер у девушки за последние несколько минут стала гораздо замысловатее, и подумал, что заказывать в кафе французский коньяк, который с вероятностью пятьдесят на пятьдесят окажется подделкой, но заплатить за него придется, как за настоящий – чистое пижонство. А, черт с ним. В

конце концов, если разобраться, он и есть пижон. Не такой, что пробы ставить негде. Но не без. Иначе зачем бы ему таскать на безымянном пальце левой руки золотой перстень-печатку с изумрудом, подаренный не кем-нибудь, а самим государем-императором Петром Алексеевичем Романовым?

Он глянул на перстень. Солнечный луч, пробившись сквозь листву, заставил сиять изумруд с выгравированным изображением Петра Первого, сидящего на троне в царской одежде со скипетром и державой в руках. Андрей знал, что написано по золоту вокруг камня: «Царь и Великий князь Петр Алексеевич всея России».

Круто. Правый берег Енисея может обвалиться от зависти. Таскать на руке такую цапку... А с другой стороны, почему бы и нет? Все равно доказать, что перстень настоящий, невозможно. Сам же камень, золото и работа хоть и стоят денег, но не заоблачных.

Официантка Таня принесла кофе, пепельницу и коньяк. Андрей отпил глоток коньяка (нормальный «Мартель», повезло), запил кофе (горячий, черный, сладкий, что еще надо?), закурил и стал вспоминать, как год назад вместе с новым своим товарищем Симаем пил кофе в подмосковном имении князя Василия Лукича Долгорукого и слушал историю о молодой княжьей воспитаннице Дарье Сергеевне и французе Бертроне Дюбуа, состоявшем на службе у царя Петра Алексеевича. На дворе стояло лето одна тысяча семьсот двадцать второго года, и он, Андрей Сыскарев, выходец из двадцать первого века, все надеялся, что спит или все происходящее ему блазнится; наваждение вот-вот пропадет, и он снова окажется в своем времени.

Но – не пропало.

Пришлось многое повидать и через многое пройти – такое, что, как он думал раньше, существует только в кино и книжках, прежде чем «государев колдун» Яков Вилимович Брюс сумел вернуть его домой. А заодно перебросил туда и Симая Удачу, беспечного московского охотника за нечистью, который возжелал увидеть фантастическое будущее своими глазами. И увидел. Где теперь Симай, интересно? Что-то давно не звонил, цыганская его душа, а сам Андрей позвонить ему не может, поскольку последний известный Андрею номер не отвечает. Может, случилось что не слишком счастливое? Да нет, вряд ли. Не тот человек кэрдо мулеса*. Он сам кому хочешь несчастный случай устроит, только тронь.

*** Кэрдо мулеса** — дословно «сделанный мертвецом (пер. с цыганского). Человек, рожденный от женщины и варколака – ходячего мертвеца.

– Спасибо, – сказал Андрей, когда ему принесли блины.

– Что-нибудь еще?

«Номер вашего телефона», – чуть было не произнес он. Но не произнес. Когда-то он не отказался бы от случая завести интрижку с симпатичной официанткой (пара-тройка встреч, постель, ненапряжное расставание), но теперь не хотелось. И не только теперь. Давно уже. Весь последний год, прямо скажем. «Старею, что ли?» – подумал он, а вслух сказал:

– Нет, спасибо. Можете сразу счет.

Официантка Таня чуть заметно пожала плечами и удалилась, всей спиной выражая равнодушие.

«Брось, голуба, – подумал Сыскарь, – я ничего тебе не обещал. И даже не намекал».

Смартфон в кармане запел, когда он выпил коньяк и доедал второй блин. Номер был незнакомый.

– Слушаю, – сказал он в микрофон специальным «скучным» голосом.

– Здрав будь, боярин Андрей свет Володимирович! – бесшабашно раздалось на другом конце.

– Симай? Это ты?!

– Он самый. Как живешь – хлеб жуешь?

– Твоими молитвами. Как раз сижу в Лефортовском парке, жую блины с икрой, пью кофе с коньяком, тебя вспоминаю. А тут и ты сам, явился – не запылелся. Пусть не собственной персоной, что было бы несказанно приятней, но хоть голос, – и на том спасибо.

– В Лефортовском? Это над Яузой?

– Ну.

– Помню такой. Я там однажды в одна тысяча семьсот двадцатом году от рождества Христова, зимой, чуть пьяный насмерть не замерз. Хорошо, лихие люди мимо шли, ограбить захотели. Тут я и проснулся, – он весело засмеялся. – А сабля, слава тебе Господи, при мне была. Не пропил.

Сыскарь представил себе, что мог сделать кэрдо мулеса, одним сабельным ударом снявший голову оборотню, с лихими московскими людьми, и усмехнулся. Хорошо, если живы остались.

– Одному ухо отрубил, – словно отвечая на его мысли, поведал Симай. – Как апостол Петр рабу в Гефсиманском саду. А второму нос. Убивать не стал, пожалел. Чай живые люди, не упыри какие-нибудь. Слушай, я вообще-то по делу тебе звоню. Ты как, очень занят сейчас?

Все-таки как быстро люди адаптируются к новым обстоятельствам, подумал Андрей. Особенно люди молодые. Всего год с небольшим прошло с тех пор, как Симай Удача попал в Москву двадцать первого века из лета одна тысяча семьсот двадцать второго года и – на тебе. Спокойно пользуется мобильным телефоном, ездит на машинах, вполне вероятно, летает на самолетах, очень может быть, что освоил компьютер и говорит современным языком.

– Ты компьютером научился пользоваться? – спросил он.

– Нахрена он мне? Нет, ну как, могу письмо написать-отправить-получить, в интернете найти что-нибудь, кино там скачать... И вообще, у меня смартфон, в нем все есть, что надо. Зачем спрашиваешь?

– Просто хотел узнать, насколько ты приспособился к нашей жизни. И чем вообще занят. Смартфон у него! Охренеть.

– Нормально приспособился. Люди, знаешь, если разобраться, не сильно изменились за триста лет. Что цыгане, что русские. Да и все остальные тоже. Но ты не ответил на мой вопрос.

– Ничего такого, что я не мог бы перенести.

– Отлично! Есть для тебя работа. Для нас обоих, я тоже подписался. Ловэ отвалят – на три хорошие свадьбы хватит и одни похороны.

– Наши?

– Что – наши?

– Похороны наши, спрашиваю? Шутка.

– Я догадался. Ты не в настроении, брат?

– Да как сказать... Ерунда, нормально все.

– Насчет ловэ не сомневайся, Люди уважаемые, слово держат.

Так, уважаемые люди, держащие слово. Это что же, с криминалом Симай связался? Впрочем, неважно. Если сам заказ не криминальный, все равно, откуда деньги. Работа есть работа.

– Что за дело?

– Человека надо найти.

– Что за человек?

– Девочка пропала у людей. Дочка.

– Подробности?

– Не по телефону, брат Андрюха. Давай, приезжай, тебе все расскажут и покажут. И дорогу оплатят по-любому. Самолет.

– И куда лететь?

– А я разве не сказал? – искренне удивился Симай. – В Княжеч. Здесь я сейчас. Знаешь такой город?

– Слышал. Правда, не был ни разу.

– Ну вот! – обрадовался Симай. – Заодно и побываешь. Он того стоит, поверь. И вообще, не виделись давно мы с тобой. Так прилетишь? Я встречу.

Княжеч. Хм. Почему бы и нет, в конце концов? Не тот человек Симай, чтобы согласиться на гнилое дело. Опасное – да, вполне возможно. Но не гнилое.

– Прилечу, – сказал он. – Завтра. Надо посмотреть рейсы на Княжеч и взять билеты.

– Завтра так завтра. Но не затягивай, лады? Время уходит.

– Завтра утром буду. Возьму билеты – сообщу.

Сыскарь ждал, что его товарищ спросит, один он прилетит или с Ириной, но Симай не спросил.

– Жду, – сказал он коротко.

Смартфон издал короткую грустную трель и вырубился – кончилось электричество.

– Молодец, – сказал ему Сыскарь. – Выполнил свой долг с честью.

Он расплатился, оставив щедрые чаевые (денег было мало, но понты – наше все), и покинул заведение.

Частное сыскное агентство «Поймаем. ру», которым владел Сыскарь и где он был фактически единственным оперативником (те, что нанимались им для выполнения разовых заданий, не в счет), переживало не лучшие времена. Всего год с небольшим назад их было двое – Андрей и его друг и напарник Иван Лобанов. Но Иван погиб после столкновения с гигантским волком, на поверку оказавшимся колдуном-оборотнем по имени Григорий. Затем колдун Григорий, получивший от дьявола силу и дар почти вечной жизни, дабы избавиться от назойливого частного сыщика и конкурента (Григорию нужно было завладеть девушкой Светланой, в которую был влюблен Андрей), забросил Сыскаря в прошлое – в Москву одна тысяча семьсот двадцать второго года. Чудом вернувшись обратно, Андрей с Симаем вступили в схватку с Григорием и почти победили. Во всяком случае, Григорий исчез и не давал о себе знать. Как исчезла без малейшего следа и вся та жуткая нечисть, с которой Сыскарю и Симая пришлось столкнуться и сражаться в заброшенной церкви близ села Кержачи. И не только она. Там, в восемнадцатом веке, по подмосковным лесам, как у себя дома, шастали оборотни и упыри, а с французским вампиром Бертраном Дюбуа Андрей познакомился лично.

Не говоря уже о мертвом неуспокоенном цыганском таборе, встреча с которым оставила у частного детектива и бывшего опера из двадцать первого века неизгладимое впечатление. Здесь же, дома, когда все закончилось, ни вампирами, ни упырями с вурдалаками, ни оборотнями, ни даже банальными лешими, русалками или домовыми даже и не пахло. Напрасно Симай думал, что его навыки профессионального охотника на нечисть пригодятся и в будущем. Негодились. По одной простой причине – никакой нечисти не было тут и в помине. То ли те чудовища, с кем вступили в смертельную схватку в заброшенной церкви Андрей, Симай и отец Николай, были последними в этом мире. То ли они столь умело прятались, что обнаружить их не было никакой возможности. Да и зачем? «Не буди лихо, пока оно тихо» говорят на Руси. И правильно говорят.

Помыкавшись у Андрея дома и соскучившись от безделья едва не до запоя, Симай ушел с первым попавшимся табором искать своих цыганских приключений и познавать новый мир. Личная жизнь Андрея не ладилась. Работа, после всего, что с ним случилось, казалась пресной и не стоящей сил, затраченных на ее выполнение. Ничего не происходило.

До сегодняшнего дня.

Он сам не знал, почему, но ему показалось, что звонок Симая – это не просто предложение хорошо оплачиваемой, но рутинной работы. За этим звонком ему чудилось нечто большее. Новые возможности? Тайна? Другая, требующая крайнего напряжения разума и всех чувств, жизнь? Он не знал. И даже справедливо предполагал, что никакая это не интуиция, а просто подсознание играет с ним в старую игру под названием «обмани себя сам».

Ну и ладно, пусть играет. В конце концов, хоть какая-то движуха, и он действительно ни разу в жизни не был в Княжече.

Насвистывая какой-то полузабытый мотивчик, Сыскарь вошел в квартиру, поставил смартфон на зарядку, и тот немедленно зазвонил. На дисплее выскочило фото Ирины. Усмешка, веснушки, синие глаза за стеклами очков, все дела.

– На проводе, – сказал он в трубку по возможности веселым голосом.

Отношения с Ириной последнее время застряли в мертвой точке. С тенденцией к негативной динамике. Как личные, так и рабочие. Личные, потому, что его попытка сближения с женщиной, которой он был не безразличен, но к которой сам не испытывал особых чувств, провалилась. И дело было не в Ирине, а в нем. Что-то, видно, сломалось в Сыскаре той штормовой ночью в заброшенной церкви. Сломалось и никак не хотело восстанавливаться, сраться. Как следствие, – отношения рабочие тоже оставляли желать лучшего. Тут уж одно из двух: либо не заводи с подчиненной тебе сотрудницей личных отношений вообще – либо, если уж завел, они должны быть близкими к идеальным. Потому что влюбленные друг в друга люди хорошо делают одно дело, если и оно им по нраву. И наоборот.

Тем не менее, Ирина Москвитина, «секретарь на все руки и голову» в частном сыском агентстве «Поймаем. ру» работу не бросала. Хотя с ее талантами давно могла найти себе место получше во всех отношениях.

– Почему ты не уходишь? – спросил однажды Сыскарь прямо.

– Из агентства или из твоей жизни? – посмотрела она ему в глаза. – Это первый вопрос. И тут же задаю второй, чтобы два раза не вставать. Ты этого хочешь?

– Блин с чебурашкой, – сказал он. – Я не знаю, что ответить.

– Вот видишь. И я не знаю.

– И что нам делать?

– Почему нормальные мужчины, если их не устраивает положение вещей, всегда стремятся что-то немедленно сделать?

– Наверное, потому, что они нормальные. Чего же, сидеть и ждать?

– Ну, мы же не просто сидим. Работаем.

– С такой работой иногда кажется, что лучше бы сидели, – буркнул он.

– А еще говорят, что у женщин отсутствует логика, – вздохнула она. – Тебе приключений не хватает, адреналина? Или просто хандра одолела?

– Ты ушла в сторону. Я вообще-то первый спросил.

– Сыскарь, завязывай, а? Тебе хочется пожаловаться на жизнь, но ты не знаешь, как сделать так, чтобы жалобой это не выглядело. Потому что мужчины типа не жалуются. Вот и начинаешь... «Почему ты не уходишь», – передразнила она. – Потому что некуда, понял? Где я еще такого идиота начальника найду, который платит мне зарплату даже тогда, когда касса пустая?

Она все еще надеется, подумал он. Надеется, что все у нас получится. А я? А я не знаю. Думаю, что нет. Скорее всего.

«Вот без этого «скорее всего» нельзя было обойтись? – спросил он себя. – Что за самообман? Ты любил Светлану. Он погибла, и спасти ее ты не смог. Всех спас, может быть, даже Россию и мир, а любимую девушку не смог. Кстати, друга тоже не спас, если уж начистоту. Это по-прежнему болит. Ты думал выбить клин клином, заменить Светлану Ириной, тем более что Ирина сама к этому стремилась, можно сказать, на всех парусах. Но не вышло. Так вот, пора честно, прямо и громко признать. Не вышло! Но ты не говоришь, ты прячешься за этими вот «скорее всего» и прочим словоблудием. Трус! Ага, трус, признаю. А что делать, если страшно? И потом. Никто ее возле меня не держит, в конце концов. Сама остается. Пока, во всяком случае».

Подобным самокопанием он занимался не раз. И всегда приходил к одному и тому же выводу: в данной ситуации он ничего не может сделать. Да и не хочет. Так что Ирина права:

пусть все идет, как идет. Куда-нибудь эта кривая выведет обязательно. Потому что на то она и кривая...

– Ты где сейчас? – спросила она.

– А ты с какой целью интересуешься? – неожиданно он и в самом деле развеселился. Вероятно, подействовал разговор с Симаем, который, хоть и не прямо, но как бы пообещал новые перспективы и горизонты. Словно бы ветерком бодрящим повеяло после него.

– Шутим? Или просто коньяка выпил? Клиент потенциальный нарисовался. Хочет личной встречи.

– Что ему надо? Жену в неверности уличить?

– В общем, да. Ревнивый папик. Самому сорок девять, ей двадцать шесть. Детей нет. Год как женаты.

– Девяносто против десяти, что уличит. Даже девяносто семь против трех.

– Девяносто восемь против двух. Так берем заказ? Наши расценки его не слишком устроили, но, думаю, заплатит.

– Еще и жадный. Ясно. Нет, пока не берем. Пусть ждет, если хочет. А не хочет, обращается в другое агентство.

– Ух ты. Никак что-то интересное у нас?

Все-таки, другой такой нет и вряд ли будет, подумал он. На лету ловит. И тут же решил, что возьмет Ирину с собой в Княжеч, хотя еще минуту назад не знал этого.

– Вроде того. Город Княжеч знаешь?

– Я даже там жила некоторое время. Недолго, месяца четыре. Но все-таки.

– О как. Не знал.

– Ты многое обо мне не знаешь.

– Значит, тем более летим вместе. Будешь гидом.

– С удовольствием. Город – полный отпад и восторг. Хотя и не всем москвичам нравится.

– Почему?

– Не любят нас там.

– Можно подумать, нас в других местах любят.

– Это да. Так, когда летим?

– Завтра. Закажи билеты на утренний рейс. Чтобы там быть уже в восемь-девять.

– Хорошо. Где встречаемся, у тебя, у меня или в аэропорту?

Он помедлил с ответом и, наконец, выбрал нейтральный вариант.

– Я за тобой заеду утром, во сколько скажешь. Позвони, когда возьмешь билеты.

– Да уж позвоню, – с едва заметной иронией сказала она и прервала связь.

«Я скотина или нет?» – подумал он. И, так и не найдя ответа на этот вопрос, пошел собираться.

Аэропорт Княжеча был новым, с иголочки, и казался пустым. Его возвели сравнительно недавно, рассчитывая, с одной стороны, на увеличение пассажиропотока, а с другой потому, что старый, построенный еще в пятидесятых годах прошлого века, даже с имеющимся пассажиропотоком уже не справлялся. В результате получилось с большим запасом. Очень большим. Но – красиво, ничего не скажешь.

Симай уже ждал их, они увидели его сразу, как только вступили в зону прилета (получать багаж обоим было не нужно, все уместилось в ручной клади). Кэрдо мулеса стоял, прислонясь плечом к бетонной колонне и сложив руки на груди. На нем были новенькие синие джинсы, алая рубашка с расстегнутым воротом, горчичного цвета пиджак и темно-зеленая шляпа с узкими полями, сдвинутая на затылок. На ногах – черные лакированные туфли. Был он гладко выбрит, смотрел весело, и его зубы при улыбке все так же ослепительно сияли.

– Андрюха, товарищ бесценный! Ирина свет Алексеевна, боярыня! – громогласно провозгласил Симай, раскинул руки и двинулся навстречу.

Обнялись, поцеловались по-русски, троекратно.

– Как долетели?

– Нормально, – сказал Андрей. – И не заметили.

– Еще бы ты заметил, – сказала Ирина. – Дрых как сурок.

– Что делать, жизнь научила. С нашей работой никогда не знаешь, придется спать ближайшей ночью или нет.

– Это точно, – сказал Симай. – Не работа, а сплошная беда. Но я каждый раз поражаюсь вашей отваге. Как вы летаете? Мне однажды пришлось сесть в самолет и за этот час я, честно, поседел. Ибо – жуть. Вон, смотрите, – он снял шляпу, и Андрей действительно заметил в угольно-черной густой шевелюре товарища несколько серебряных нитей, которых, вроде бы, раньше не было.

– Я слышала, цыгане рано седеют, – безжалостно заметила Ирина. – К тому же, помнится, ты утверждал, что кэрдо мулеса вообще живут быстрее обычных людей. Другой обмен веществ.

– Да, – гордо выпрямился Симай. – Мы, кэрдо мулеса, живем недолго, но ярко. Хотя лично я знал одного, который утверждал, что помнит, как Михаила Федоровича Романова бояре на царство венчали, – он посмотрел на Ирину с Андреем и добавил. – Это дед государя Петра Алексеевича.

– Я помню, – сказал Сыскарь...

Квартира, куда Симай доставил их не на такси, а на черном BMW с шофером – молчаливым и крепким на вид парнем лет двадцати, располагалась, как понял Андрей, почти в самом центре города. Дом в три этажа, построенный лет сто пятьдесят, а то и двести назад, выходил фасадом на короткую (Сыскарь окинул ее взглядом всю – от начала до конца) мощенную брусчаткой тихую улицу, один край которой упирался в парк, а другой – в поперечную улицу – более широкую и оживленную, с трамвайными путями в обе стороны и небольшим рынком.

– Хороший рынок, – сообщил Симай. – Я там, бывает, харч беру. Все свежее и недорого.

– А почему не в магазине? – спросила Ирина.

– Это в ваших супермаркетах, что ли? – презрительно оттопырил губу Симай. – Я вообще не понимаю, как вы там можете хоть что-то покупать. Ведь чистую отраву продают! Да еще и не поторгуешься. Нет, вот вы мне скажите! – горячо воскликнул он. – Я все могу здесь понять, в этом вашем двадцать первом веке. Женщины по улицам летом за малым не голые ходят, машины, самолеты, кино, компьютеры, интернет, оружие небывалое, как в страшной сказке, полеты в космос, телевизоры, смартфоны эти в руках у всех подряд... Но почему в магазине я не могу торговаться?! Это же против самой человеческой природы! Нет, при государе Петре свет Алексеевиче такой херни не было!

– Так вон же рынок, сам говоришь, – кивнул Сыскарь в конец улицы. – Это продуктовый. А есть и вещевые, и всякие. Торгуйся – не хочу.

– Только это меня пока и спасает, – буркнул Симай. – Пока.

Трехкомнатная квартира на втором этаже выходила четырьмя окнами на улицу (она так и называлась Парковой, поскольку начиналась от парка) и еще тремя (два в комнате и одно кухонное) в небольшой аккуратный внутренний двор. Посреди двора рос старый каштан, достающий верхушкой до крыши.

– Красиво, – прокомментировала Ирина. – Каштан внутри квадрата стен. Красиво и необычно. Хоть картину пиши.

– В этом городе много необычного, – сказал Симай. – Можете мне поверить.

– Ты был здесь раньше? – спросил Андрей. – Я имею в виду...

– Я понял. В те времена? Был. Однажды, – Симай посмотрел на часы. – Расскажу как-нибудь. Поехали, нас ждут. Тут недалеко.

Они спустились вниз, сели все в ту же BMW, и водитель плавно взял с места. Свернул направо, на оживленную улицу, которая метров через триста принялась карабкаться все круче и круче вверх. Слева – фасад к фасаду – теснились старинные (так показалось Андрею) трех- и четырехэтажные дома, справа, за оградой, мелькала зелень парка, уже тронутая желтизной осени.

– Это тот же парк, что внизу? – спросил Сыскарь. – Сюда тянется?

– Ага, – ответил Симай. – Старейший парк в городе. Он так и называется – Старый.

– Кайфовый парк, – сказала Ирина. – Помню его. Один из лучших парков в моей жизни.

Подъем закончился одновременно с брусчаткой. Дальше шел асфальт. Машина свернула налево, затем еще раз налево на пустынную улицу, по обе стороны которой тянулись особняки разной степени исторической ценности, и остановилась у богатой, чугунной на вид, ограды, выполненной в орнаментально-растительном стиле – сплошь лепестки, стебли и листья. Наверху, впрочем, острые, в виде копий, навершия – так просто не перелезешь, отметил про себя Сыскарь.

Они вышли. За оградой высился трехэтажный темно-коричневого кирпича особняк с красной черепичной крышей. От запертых ворот и калитки к широкому крыльцу вела мощеная диким камнем дорожка. Далее – четыре ступеньки, две колонны дорического ордера по бокам, поддерживающие балкон на втором этаже, и мощные под цвет стен металлические двери.

Машина, шурша шинами, тронулась за их спинами с места и скрылась за ближайшим поворотом.

– Что хоть за люди? – спросил негромко Сыскарь, оглядывая дом. – Криминал?

– Да нет, больше бизнес, – ответил Симай. – Хотя бизнеса без криминала в наше время не бывает. Да и никогда не было. Но бизнес хороший. С деньгами и связями люди.

«Что же они с деньгами и связями дочку не уберегли?» – хотел спросить Сыскарь, но не стал. Он подумал, что на них наверняка сейчас смотрят видеокамеры, а человека, умеющего читать по губам, найти не так уж сложно.

– Понимаю, – только и сказал он.

Симай нажал кнопку звонка, и калитка бесшумно распахнулась. Затем, когда они ступили на крыльцо, точно так же автоматически открылась дверь, и Симайонс Удача, Ирина Москвитина и Андрей Сыскарев вошли в дом.

Их ждали. Молчаливый молодой человек, чем-то похожий на шофера BMW, в котором они ехали, проводил их по коридору в обширную гостиную на первом этаже.

Высокие, не меньше четырех метров, потолки. Лепнина. Выложенный темно-коричневой глазурованной керамической плиткой (все тот же растительный орнамент) камин, в котором горит живой огонь. Гобелены со сценами средневековой охоты на стенах. Внушительный дубовый стол на выгнутых ножках-лапах у стены с высокими арочными витражными окнами (опять цветы и листья!). Два старинных кресла у камина и небольшой инкрустированный столик там же. На столике – бутылка минеральной воды, два наполненных наполовину бокала, две чашки кофе и хрустальная ваза с тремя яблоками и двумя грушами. Хрустальная же пепельница. В креслах – мужчина и женщина. Женщина – лицом к вошедшим, мужчина – спиной. То, что это мужчина, можно было догадаться по левой руке, свисающей с подлокотника так, что видны темно-серый рукав костюма, ослепительно-белая манжета рубашки с бриллиантовыми запонками, и крупная кисть, поросшая черными короткими волосами. На безымянном пальце – золотой перстень с камнем (судя по цвету, аметистом), между средним и указательным – дымящаяся сигарета. На женщине – светло-фиолетовое длинное платье и домашние туфли. Русые волосы подняты наверх и заколоты. Не старая, до сорока. Глаза темно-серые, глубоко посажены, смотрят внимательно. Тонкий прямой нос, узкие губы без помады, косметики почти не видно.

Все это Сыскарь привычно отметил, пока они, в сопровождении молодого человека, шли от дверей к камину по дубовому, сработанному под старину, паркету, отполированному до зеркального блеска.

– Здравствуйте, – тщательно выговаривая буквы, сказала женщина, когда все трое подошли и остановились. Смотрела она при этом только на Сыскаря, бросив на Ирину короткий равнодушный взгляд.

Значит, с Симаем они уже сегодня виделись, подумал Андрей, поскольку Удача на приветствие не ответил. Интересно говорит. Без акцента, но словно русский ей не родной. Впрочем, может, так и есть.

– Доброе утро, – сказал он и позволил себе чуть улыбнуться, проверяя женщину на свое «фирменное» обаяние. – Кажется, еще утро.

– Здравствуйте, – сказала Ирина и небрежно огляделась.

Правильно, подумал Сыскарь. Нормальные люди, пусть они будут сколь угодно серьезные, предлагают гостям сесть. Мы в любом случае гости.

– Извините, – произнесла женщина, помедлив, и перевела взгляд на молодого человека. – Иван, подай гостям стулья.

Мужчина продолжал сидеть к ним спиной. Только рука с перстнем и горящей сигаретой на две секунды исчезла и появилась вновь на подлокотнике, а над спинкой поднялся клуб голубоватого дыма.

Когда все трое сели, женщина продолжила:

– Меня зовут пани Стефания Король. Можно пани Стефа. В основном, вы будете иметь дело со мной. От меня получать инструкции и деньги, мне докладывать о проделанной работе и о том...

– Одну минуту, – сказал Андрей.

– В чем дело? – нахмурилась пани Стефа. – Я еще не закончила.

– Возможно, и не придется, – он широко улыбнулся. – Давайте договоримся сразу, чтобы потом не было недоразумений. Как нынче принято выражаться, на берегу. Мое имя – Андрей Владимирович Сыскарев. Друзья и враги зовут Сыскарь. Клиенты – Андрей или Андрей Владимирович. Вы, так как мы, судя по всему, почти ровесники, можете звать Андреем. Так вот. Докладываю о проделанной работе я только один раз, но в двух случаях – когда она выполнена полностью, и, когда выполнить ее не представляется возможным. Далее. Никаких инструкций от клиентов я не получаю, поскольку действую абсолютно самостоятельно, на свой страх и риск. Я могу попросить о помощи или об услуге, но только в интересах дела. Что касается денег, то, если мы договоримся, вы заплатите мне один раз сегодня и второй – после того, как я найду вашу дочь. У вас дочь пропала, я правильно понял?

– Да, – сказала пани Стефа. – Дочь, – ее голос едва заметно дрогнул. – Богдана... – она взяла бокал и сделала несколько торопливых глотков.

– А если не найдете? – спросил мужчина и поднялся с кресла. – Это не вам, продолжайте.

Теперь Сыскарь увидел, что в правой руке, возле уха, он держит смартфон и, судя по чуть отстраненному взгляду, внимательно слушает какого-то собеседника.

«Но не настолько внимательно, чтобы не услышать меня».

Мужчина сделал круговой жест левой кистью. Молодой человек по имени Иван подошел к креслу и развернул его на сто восемьдесят градусов. Мужчина благодарно кивнул и уселся, продолжая держать смартфон возле уха.

– Если не найду, верну аванс. За вычетом, разумеется, накладных расходов, – ответил Сыскарь.

– Я понял, – сказал мужчина в трубку. – Спасибо, будем думать. Перезвоню.

Он выключил смартфон, положил его на столик, затянулся сигаретой и выпустил дым к потолку.

– И каков аванс? – спросил. Был он явно старше всех здесь присутствующих. Лет за пятьдесят, среднего роста, полноватый, широкоплечий, с редкими, словно прибитыми пылью, коротко стриженными волосами.

– Треть от всей суммы за работу.

– Коля... – произнесла пани Стефа.

– Подожди, Стефа.

Женщина молча налила себе воды и откинулась на спинку кресла.

О как, подумал Сыскарь, значит, все-таки, есть тут не только хозяйка, но и хозяин.

– И сколько вы хотите за всю работу? – спросил хозяин.

– Если найду за неделю или меньше, начиная с завтрашнего, дня, тридцать тысяч долларов. Аванс – десять тысяч. Если потребуется больше недели, то с каждым днем сумма будет уменьшаться на тысячу долларов. То есть, если на поиски уйдет десять дней, вы заплатите двадцать семь тысяч. Две недели – двадцать три тысячи. И так далее, вплоть до двадцати дней, когда сумма, за вычетом аванса, становится нулевой. После этого поиски прекращаются, и аванс возвращается. Или не возвращается, если есть результат. Не важно, хороший или плохой.

– То есть? – нахмурился мужчина. – Что значит, хороший или плохой?

– Он имеет в виду, что наша девочка может оказаться мертва, – сказала тихо пани Стефа. – Так?

– Увы, – кивнул Сыскарь. – Как ни неприятно об этом говорить, такое случается. Не часто. Но случается.

– Звонков о выкупе не было, – резко сказал мужчина и затушил сигарету в пепельнице.

Сыскарь едва заметно пожал плечами.

– Сима, – мужчина посмотрел на Симая.

– Что, Николай? – цыган сидел на стуле в свободной позе, забросив ногу за ногу. Только шляпу снял и держал ее небрежно за поля двумя пальцами.

– Ты уверен в этих людях?

– Как в себе, – твердо ответил кэрдо мулеса, даже сел ровнее.

– Уверенности мало, – сказала Стефа. – Нам нужно, чтобы вы нашли нашу девочку.

– Приложим все силы, – сказал Сыскарь. – Это единственное, что я могу вам обещать.

– Хорошо, – сказал мужчина после непродолжительного молчания. – Мы принимаем ваши условия. Подождите.

Он поднялся и вышел из гостиной.

– Я бы не советовала вам нарушать условия нашего соглашения, – сказала пани Стефа. – Но не подумайте, что это угроза. Просто... просто мы очень любим свою дочь, и ... – она умолкла и снова припала к бокалу с водой.

«И сочтем глубочайшим личным оскорблением, если вы попытаетесь нас обмануть», – мысленно закончил фразу Сыскарь.

Вернулся мужчина и положил на стол пачку долларов.

– Ваши десять тысяч, – сказал он. – Забирайте.

– Спасибо, – Сыскарь, не считая, спрятал деньги во внутренний карман куртки. – Как я понимаю, мы начали работать?

– Да, – сказал Николай.

– Тогда у меня сразу вопрос. Ваша дочь жила с вами?

– Разумеется.

– Нам хотелось бы осмотреть ее комнату. А также посмотреть содержимое компьютера, телефона, планшета... Вообще любого гаджета, принадлежавшего ей, где есть чип и память.

– Мы уже смотрели, – сказала пани Стефа. – И очень внимательно. Увы, ничего.

– И все-таки.

– Проводи их, Стефа, – сказал Николай.

В сопровождении хозяйки дома детективы вышли в прихожую и по широкой каменной лестнице поднялись на второй этаж. Сквозь витражное арочное окно на промежуточной площадке между первым и вторым этажом лился разноцветный утренний свет.

Комната Богданы, расположенная с восточной стороны особняка, была площадью, как прикинул Сыскарь, около тридцати квадратных метров и выходила окнами и балконом в сад. Высокие потолки, тяжелые светло-голубые шторы и дорогие обои в бледно-синих фантастических цветах. Широкая деревянная кровать у стены, вычурная люстра с множеством хрустальных висюлек, зеркальный шкаф-купе, несколько полок с книгами, компьютерный стол, кресло и два стула с высокими спинками возле журнального столика. Газовый, покрытый изразцами, камин. На стене над кроватью – картина в раме. Портрет Богданы Король. Написано тщательно, даже искусно, но без художественного блеска. Умело раскрашенная фотография по большому счету. Правда, девушка красивая, ничего не скажешь. Взяла все лучшее от мамы и папы.

– Компьютер можно включить? – спросил Андрей.

– Конечно, смотрите. Там нет пароля, – ответила хозяйка дома.

– Ирина, займись.

– Хорошо.

– Почта и соцсети в первую очередь, – напомнил Сыскарь.

– Да.

– Когда вы в последний раз видели вашу дочь? – он повернулся к пани Стефе. Та негодуя дернула плечами (не понравилось слово «последний» в данном контексте, догадался Сыскарь, ничего, это по-русски, потерпит), но ответила:

– Три дня назад. Семнадцатого сентября. В первые сутки мы беспокоились, конечно, но не очень сильно. Дело в том, что накануне у нас был разговор... как бы это сказать... В общем, мы поспорили. Она требовала большей свободы, мы с отцом возражали.

– Ей было мало свободы?

– Видимо, она так считала. Мы с Николаем думали иначе.

– Подругам, друзьям звонили?

– И не раз. Никто ничего не знает. Она просто не вернулась домой. Телефон отключен и отследить его невозможно. Пробовали те, кто в этом очень хорошо понимает. Ничего. Планшет тоже был с ней... – голос пани Стефы дрогнул, она прижала ладони к лицу и заплакала. Тихо и очень-очень горько.

– Ну-ну, – Андрей осторожно подвел безутешную мать к креслу, усадил. – Мы найдем ее, обязательно. Но нам потребуется ваша помощь.

– Да, разумеется... – в руке пани Стефы невесть откуда появился платок, она прерывисто вздохнула, вытерла глаза. – Все, что вам нужно.

– Телефоны и адреса всех знакомых вашей дочери. Родственников, друзей, одноклассников – всех, кого только можете вспомнить. Подробный отчет по тому дню, когда она не вернулась домой. Где была, во сколько должна была вернуться, во что была одета, что имела с собой. Писать не обязательно, можно на диктофон. Ее фото. То, на котором она, как вы считаете, больше всего на себя похожа. Желательно на бумаге и в электронном виде. Вы сильно накануне... э-э... поспорили?

– Вы имеете в виду, не поругались ли мы?

– Именно это я имею в виду.

– Я бы не сказала, что мы поругались. Мы даже пришли к компромиссу. Раньше ей разрешалось возвращаться домой не позже одиннадцати, а теперь договорились на двенадцать. Да и вообще... Никто не хлопал дверью, не кричал и не впадал в истерику. Под конец разговора Даночка нас даже поцеловала, пожелала спокойной ночи... И утром была в хорошем настроении... – из глаз пани Стефы снова чуть не потекли слезы, но она справилась с собой, поднялась. – Извините, я пойду к себе. Приготовлю вам список знакомых и отчет о том дне и

фото. Кстати, можете взять в ее компьютере, какие вам подойдут. Она... она похожа на свой портрет, – пани Стефа посмотрела на стену с портретом. – Я потом посмотрю, и мы распечатаем лучшие.

– Конечно, – сказал Сыскарь.

Когда они покинули особняк семейства Король, на часах было без четверти два. За оградой у калитки уже стоял далеко не новый, но вполне приличный на вид «форд», возле которого курил их давешний водитель. Он передал Сыскарю ключи:

– Коробка – механика. Справитесь?

– Без проблем.

– Тогда счастливо.

– И тебе не хворать.

Они уселись в машину. Сыскарь – за руль, Ирина рядом, Симай – на заднее сиденье. Двигатель завелся легко. Сыскарь тронулся с места, развернулся в конце пустой улицы и, демонстрируя хорошую зрительную память, поехал назад без навигатора.

– Какие наши планы? – спросила Ирина.

– Сначала поесть, – ответил Сыскарь. – Лично мне на голодный желудок плохо работается. Где в этом городе можно вкусно пообедать, Симай?

Цыган весело рассмеялся.

– Проще сказать, где нельзя. Давай домой, поставим машину, и я отведу вас в прелестное местечко.

– А зачем ставить машину? – удивился Сыскарь. – Пить я не собираюсь.

– Не в этом дело, – сказала Ирина. – Просто грех по Княжечу в первый день ездить на машине. Лучше ногами, больше увидишь. Да, Симай?

– Правду глаголешь, – согласился тот. – Но и по кружке-другой пива – не помешает. Пиво здесь хорошее.

– Что, неужели не хуже, чем триста лет назад? – усмехнулся Андрей.

– Если и хуже, то не сильно.

От дома на Парковой до того места, куда отвел их Симай, оказалось около двадцати минут неспешной ходьбы, и Сыскарь действительно не пожалел, что они пошли пешком. Город Княжеч был красив той старинной красотой, которую не хочется рассматривать из окна автомобиля. Узкие, запутанные, мощенные гладкой темной брусчаткой улицы. Трех-пятиэтажные дома, по одному виду которых понятно, что построены они сто, двести и больше лет назад. Арочный каменный старинный мост, переброшенный через речку Полтинка. Запах кофе, шоколада, цветов на клумбах, тонких женских духов и хорошего табака (здесь многие мужчины курили трубки).

– Странно, – сказал Андрей, когда они, перейдя реку, свернули на тенистую от уже начинающих желтеть кленов, улицу, названную в честь композитора Мусоргского. – Слышал, что Княжеч похож на Питер. По-моему, совершенно не похож. Мне сначала показалось, что, скорее, некоторые старые районы Москвы напоминают. Замоскворечье, арбатские переулки... Но сейчас вижу – нет. Совсем другое.

– Конечно, другое! – живо поддержал разговор Симай. – Москва – какая была, вспомни? Избы да изредка усадьбы. Плетни, заборы. Петухи кричат, свиньи в лужах валяются. Каменных домов – раз-два и обчелся. Тротуары хорошо если деревянные... Деревня, одним словом. Только большая – пока из конца в конец пройдешь, три раза напьешься, пять подерешься, два протрезвеешь, семь охренеешь. А тут и триста лет назад сплошь каменные дома стояли вдоль улиц. Хотя город был гораздо меньше. Здесь, где мы сейчас идем, уже поля начинались. То есть, это я к чему? Не могут быть похожи города, которые росли совершенно по-разному.

– Ого, – сказала Ирина. – Да ты, Симай, гляжу, знатоком архитектуры и градостроительства стал?

– А то, – важно сказал цыган и, не выдержав, рассмеялся. – Просто у меня память хорошая. Тут недавно как раз один знаток при мне рассуждал на эту тему – о схожести и различиях между Москвой и Княжечем. Я и запомнил. К слову, вы знаете, что у них один небесный покровитель?

– Святой Георгий, что ли? – спросил Андрей.

– Он самый... Так, вот мы и пришли.

Сыскарь поднял голову. Они стояли напротив трехэтажного дома, часть первого этажа которого и открытая веранда рядом, были заняты кафе-рестораном. «Под нашей горой», – было написано на вывеске крупно. И ниже, по-польски, мельче: «Pod naszą górą».

Глава 3

Погоня

Домой я возвращался поздно. Сначала задержался в редакции, чтобы подготовить в завтрашний номер «подвал» о доблестной работе полиции по обезвреживанию шайки грабителей. Эти стервецы действовали в районе Старого парка. Используя велосипеды, которые за последние пару лет вошли в Княжече в большую моду, они наострились на ходу вырывать у прогуливающихся дам ридикюли и сумочки, после чего налегали на педали и мгновенно скрывались из виду в глубине извилистых парковых дорожек и тропинок.

Потом зашел поужинать в «Веселый метранпаж» и застрял там, зацепившись языком с коллегами из других газет. Обсуждали, понятно, убийство на улице Кожевников. Днем мне не хотелось этого делать, но сейчас, после выхода номера, почему бы не насладиться минутой славы? Пусть и приправленной изрядной долей зависти, куда ж без этого.

Пьян я не был (двести граммов шутовского коньяка под жареные колбаски с пюре и салатом, да, да, знаю, что так коньяк пить не принято, но мы, репортеры, ребята без новомодных психологических комплексов, так что пьем спокойно), однако находился в том приподнятом настроении, когда свои физические возможности оцениваешь несколько выше, чем они есть на самом деле. И вообще готов на подвиги.

На Заворотной улице, по которой удобнее всего пройти к моему дому, людей и днем-то мало, а уж ночью и вовсе встретить кого-то – большая редкость. Магазинов и питейных заведений здесь нет, а жители – в основном, мелкие буржуа – спать ложатся рано. Поэтому я невольно обратил внимание на человека, который сначала шел мне навстречу по другой стороне, а затем свернул в подворотню. Она же «брама», как обычно говорят в Княжече, используя польское слово. Человек этот, в длинном темном плаще и широкополой шляпе не прошел во двор, а остановился под арочным сводом брамы, прислонившись к стене и почти скрывшись от любопытных глаз в густой темноте.

Не задумываясь, что и зачем делаю, подчиняясь внезапному импульсу, я свернул в похожую браму на своей стороне улицы, прошел вглубь, затем тихо вернулся, остановился в точно такой же густой ночной тени, в которой прятался незнакомец, и постарался в ней раствориться.

Так прошло с четверть часа. Думаю, если бы не шутовский коньяк и жажда подвигов, мне бы и в голову не пришло поступить подобным образом. Стоит себе человек в браме и стоит. Мало ли. Может, женщину ждет. Сейчас она спустится к нему, и они... Что? Пойдут гулять по ночному городу? Или к нему? Почему тогда он не поднялся прямо к ней? Там муж или дети? Странно. Как и то, что я вообще задаю подобные вопросы, а не иду домой... И это не вор-домушник. Те приступают к работе позже, часа в два-три ночи. Кто тогда? Будь я проклят, если не узнаю!

В конце концов, как считают многие, я лучший репортер в городе и намерен всячески поддерживать свое реноме. Потому что если его не поддерживать, то место быстро займет кто-нибудь другой, и тогда попробуй, отвоюй обратно. Да, я честолюбив. И любопытен. И люблю, когда мне хорошо платят за хорошо сделанную работу. Моя работа бывает опасной, как, например, теперь? Да, бывает. Но репортер, который не умеет рисковать и, главное, не чувствует, когда рисковать необходимо, может прощаться с профессией и переходить в те же метранпажи...

Наконец тень в тени шевельнулась. Скользнула вглубь подворотни и словно провалилась в стену. Ясно, поднимается по лестнице, больше ему некуда деться. Что делать? А, была не была. Иначе и ввязываться не стоило.

Выйти из брамы – две секунды. Пересечь улицу – три. Еще три, и я уже в другой браме, у лестницы, ведущей на второй этаж и выше.

Незнакомец поднимался очень тихо, но я все-таки улавливал едва слышное поскрипывание деревянных ступеней и старался идти за ним шаг в шаг, чтобы наши скрипы совпадали. На лестнице было темно. Электрическое городское освещение еще не добралось до улицы Заворотной, а управляющий, видно, экономил на газе. Тот, за кем я шел, не зажигал ни фонаря, ни спички, ни свечи. Только луна, вынырнувшая из-за туч, давала скупой намек на свет, проникающий в узкое грязноватое окно на лестничной площадке. Но и этого намека мне хватило, чтобы снизу бросить взгляд на незнакомца, когда он остановился ненадолго на площадке между вторым и третьим этажом. Остановился и прислушался. Теперь я заметил, что на нем, кроме длинного плаща и широкополой шляпы (в каком-то смысле мы были одеты похоже), еще и черные перчатки. И он был явно выше меня ростом.

Незнакомец двинулся дальше и остановился на площадке третьего этажа. Теперь я был абсолютно уверен, что дело нечисто. Мало того – опасно и даже, вероятно, очень опасно. Но отступить уже не мог. Характер и азарт не позволяли. Ну и шутовский коньяк.

На площадку выходило две двери. Незнакомец подступил к левой. Замер. На грани слышимости щелкнул замок. Сначала один, потом второй. Ключ или отмычка? Неважно. Хозяева так не входят. И это, как я уже решил, не вор. Или все-таки вор? Закроет обратно двери на замок или нет? Хозяин бы закрыл. И вор тоже, но лишь в том случае, если бы знал, что в квартире никого нет.

Не закрыл.

И тут я впервые осознал, что оружия при мне нет. Револьвер лежит дома, а в кармане только перочинный нож, который я всегда ношу с собой. Правда, лезвие в нем отточено до бритвенной остроты и стопорится, но против серьезного противника это слабый аргумент. Впрочем, как применить. К тому же отступать поздно. Если там, за дверью, спящая большая семья, подобная той, о которой мне пришлось писать сегодня утром... Нет, господа, дети не должны умирать, тем более такой жуткой смертью. Кто угодно, только не дети.

Стараясь не думать ни о чем, чтобы окончательно не испугаться, я быстро поднялся по лестнице и проскользнул в квартиру. И тут же увидел справа распахнутые двери в спальню и тень (плащ и шляпа) на паркете от неверного лунного света.

Он уже был в спальне, склонился над спящей парой (мужчина и женщина, я успел заметить длинные волосы, разлетающиеся по подушке), и мне стало ясно, что ждать больше нельзя.

Как он почувствовал мое движение? Не знаю, но почувствовал. Мгновенно обернулся и выбросил кулак, затянутый в черную перчатку, навстречу моему броску.

Встречный удар – ошеломляющая штука, поскольку скорости – в данном случае моей головы и его кулака – складываются, и энергия удара получается гораздо выше, чем если бы голова оставалась на месте, а двигался только кулак.

В правом глазу полыхнуло огнем, и я с грохотом рухнул на пол, кажется, сломав по дороге случайно подвернувшийся стул.

– А-а-а! – завизжала тут же проснувшаяся женщина. – Помогите-е! Воры-ы-ы!!! Убивают!!!

Хорошая реакция, молодец. Но у меня тоже неплохая. Удар был силен, однако сознания я не потерял и успел заметить, как чужие плащ и шляпа исчезли в проеме двери, а посему с низкого старта кинулся вслед. Очень хотелось догнать гада и проверить, как держит удар он. И очень не хотелось объяснять перепуганной семье обывателей, почему известный репортер уважаемой городской газеты оказался посреди ночи в их квартире. Ладно, не посреди, в начале. Но все равно не хотелось.

Четыре лестничных пролета я преодолел в четыре прыжка. Но мой противник, видимо, в два, потому что уже выскочил на улицу, в то время как я только-только пересекал двор.

Никогда не встречал столь быстрых. Я выкладывался на полную, но не мог сократить расстояние между нами ни на шаг. Так мы и мчались по пустому ночному городу – две молчаливые безумные тени в плащах и шляпах, и только бешеный стук наших каблуков метался эхом между домами.

Знакомая пролетка вывернула из-за угла как раз в тот момент, когда я начал терять дыхание и отставать. Очень вовремя! У меня еще хватило сил, чтобы вскочить на подножку:

– Достань его, Рошик!

– Сделаем, господин Ярек, не уйдет! – весело оскалился лихач с улицы Глубокой и пустил лошадь в галоп.

Я повалился на сиденье, с хрипом глотая воздух. Кажется, пришло время серьезно задуматься о поддержании физической формы. Стареешь, Ярек? Сначала в морду безнаказанно получил, а потом потерпел явное поражение в спринтерском забеге. А ведь на городских играх три года назад пятое место в фехтовании взял. И четвертое на ринге. В своей весовой категории, понятно. А когда последний раз тренировался? М-да.

Подкованные копыта лошади высекали из брусчатки искры, дважды свистнул кнут, подгоняя и без того резвое животное, но догнать незнакомца не получалось – он мчался, словно чемпион мира. Да нет, куда там чемпиону – быстрее! И скорости не снижал, его плащ по-прежнему мелькал далеко впереди.

– Кто это?! – обернулся ко мне Рошик. – За кем мы гонимся, за чертом?!

– Быстрее можешь? – только и спросил я. – Дам на водку – хоть залейся, если догонишь.

– Я не пью, – бросил молодой лихач, привстал, по-разбойничьи свистнул и крикнул голосом, в котором удивительным образом слились жесткий приказ и нижайшая просьба. – Нажми, Гамма!! Давай, родная, давай!!

И лошадь с музыкальным именем Гамма дала. Вцепившись в поручень, чтобы не вылететь из коляски, я видел, как мы выиграли сначала пять метров, потом десять, пятнадцать...

– Дав-вай!!! – надрывался Рошик.

Мы бы догнали его.

Но тут город закончился, и начались предместья. С мощеной улицы, на которой хоть и редко, но попадались зажженные газовые фонари, небывалый бегун свернул на ухабистый грунтовый проселок, наполненный густой ночной тьмой, словно душа алкоголика похмелем, и мой возница сначала придержал лошадь, а затем, когда проселок разделился на два рукава – широкий и узкий, и вовсе остановился.

– Все, пан Ярек. Приехали.

– Что случилось?

Но я уже и сам понял – что. Лошадь у Рошика была хорошая, но уже не первой молодости, и эта бешеная скачка могла ее убить. Мой новый знакомый жалел животное, и правильно делал. В конце концов, Гамма его кормила, а что мог предложить я, кроме сомнительной славы?

Я знал это место. Впереди – там, куда по узкой дорожке рванул злоумышленник, был овраг, который местные жители называли Волчьим. По дну бежал ручей, затем впадающий в Полтинку, а через сам овраг был переброшен деревянный мост. Сразу же за оврагом стеной чернел лес.

Это было чистым безумием, но остановиться я уже не мог.

– Жди здесь! – я соскочил с пролетки.

– Господин Ярек!

Я обернулся.

– Возьмите!

Он бросил мне темный продолговатый предмет. Я машинально поймал и тут же опознал в предмете классический обрез двустволки – с укороченными не только стволами, но и прикладом. Ай да Рошик...

– В левом – дробь, в правом – жакан!

Благодарить моего добровольного помощника – или сообщника? – не было времени, я уже бежал по узкой дорожке к оврагу.

Темный силуэт в плаще и шляпе мелькнул на другой стороне оврага и, свернув с дорожки, кинулся вверх по склону, к лесной опушке. Было заметно, что эта бешеная гонка, не прошла для него даром, сил поуменилось, и двигался он не так фантастически резво, как вначале. Как вполне обычный человек двигался, причем человек уставший.

Я не отставал, надеясь, перехватить его прежде, чем он скроется в лесу. Однако не успел. Бежали когда-нибудь за кем-нибудь по ночному лесу? Не приведи Господи. Без глаза остаться – раз плюнуть. Хорошо хоть там было подобие тропинки, по которой и двигался незнакомец. А я – за ним, ориентируясь больше на треск веток под ногами. Этот пригородный лес под названием Горькая Вода был известен всякому княжечу или, как последнее время модно стало говорить, княжечанину. Он начинался сразу за северной окраиной города и через несколько километров переходил в дремучую чашу Черногорского лесного массива, где до сих пор водились волки и медведи. Горожане не любили сюда ходить. И Горькая Вода, и, тем более, Черногорье пользовались дурной славой. Здесь часто пропадали люди. Бывало, их находили. Но мертвыми чаще, чем живыми, а то и не находили совсем. Даже следов. Каких только слухов и легенд – от более-менее правдоподобных до совершенно невероятных – не ходило об этих местах! Говорили (и это было правдой), что здесь было логово знаменитого кровавого разбойника позапрошлого века Федьки Шестипалого, который никогда не оставлял свидетелей. Рассказывали про волков-оборотней и ведьм, которые чувствовали себя здесь, как дома. Про гигантских летучих мышей, сосущих человеческую кровь. Леших и русалок, не оставляющих заблудившемуся человеку ни единого шанса... Всего не перечислить.

Но мне было не до суеверий и страхов. Я, что называется, вошел в раж, а заряженный дробью и жаканом обрез придавал уверенности. Впереди смутно замаячил просвет, и мы выскочили на обширную поляну, посреди которой росли два дуба, похожие друг на друга, как братья-близнецы. Тучи разошлись, и в лунном свете я увидел, что от незнакомца меня отделяет не более пятнадцати шагов. «Можно стрелять», – мелькнула мысль. Но только мелькнула. Я знал, что не выстрелю в безоружного. Да и с какой стати? Я не представитель закона, а все мои подозрения – это только подозрения...

И тут незнакомец резко остановился и обернулся, вскидывая правую руку. Кочка, за которую зацепился ботинок, спасла мне жизнь.

– Да-нн! Да-нн! – дважды сверкнул огонь в его руке, но я уже падал, и обе пули прошли мимо.

Не часто в меня стреляли в моей молодой жизни. Но – бывало, бывало. Наш город бандитским назвать нельзя, это не Одесса или, скажем, Ростов-на-Дону, где криминальный элемент чувствует себя вольготно в силу исторических причин. У нас даже ярко выраженных воровских районов, навроде московской Хитровки или варшавской Stara Praga, нет. Зато оружие – в свободном хождении. Опять же в силу исторических причин. У любого уважающего себя горожанина найдется дома ствол. Чаще всего гладкий, но и нарезных хватает. А там, где у людей в руках оружие, там оно чаще всего и стреляет. Возьмите те же Североамериканские Соединенные Штаты. Так что у княжечей, можно сказать, выработался рефлекс: нет с собой ствола – лежишь и не высываешься, когда в тебя палят, а есть – шмаляешь в ответ.

Я и шмальнул.

Все-таки обрез охотничьего ружья – страшная вещь. На небольшом расстоянии, разумеется. Промазать я не мог и не промазал. От резкой отдачи зануло плечо. Грохот двойного выстрела ударил по ушам, остро запахло сгоревшим порохом. Тело незнакомца отбросило назад, он упал, затем вскочил, шатаясь, сделал еще несколько шагов, затем остановился, качнулся и ничком рухнул в траву. Точно посередине между двумя дубами.

Я лежал еще немного, ожидая пока мои зрение и слух придут в норму, затем встал и пошел к дубам. Трава – там, где свалилось тело, не шевелилась. Готов? Замедляя шаг, приблизился. Так. Вот здесь он рухнул, точно. И где же он?

Тела не было.

Примятая трава была, а тело, ее примявшее, отсутствовало. Уполз? Но где тогда следы? Трава на поляне довольно высокая, было бы видно. Нет, не видно. Ноль. Я сжег несколько спичек и внимательно осмотрел место падения – даже крови нет.

Но я ведь в него попал, верно? Или все-таки промазал, а он, притворившись раненым и даже убитым, разыграл спектакль?

Но – как?

Я поднял голову, всматриваясь с темную массу кроны сначала одного дуба, потом второго. Невозможно. Нижние ветви высоко, не дотянуться. Да и заметил бы я. Трижды обошел оба дуба, осматривая каждую пядь земли и с каждым разом увеличивая радиус. Нет тела, хоть ты что делай. Но ведь так не может быть! Я в него попал, сам видел. Шестнадцатый калибр, между прочим, не шутка. И где тело?

Остановился, прислушался. Что-то изменилось. Неуловимо, едва-едва, но – изменилось.

Я поднял голову к небу. Вроде бы то же ночное небо с клочьями облаков, подсвеченными стареющей луной. Но в запахе осенней мокрой листвы теперь чуялось еще что-то. Похоже на дым, но не от костра... Нет, не пойму. Слишком слабый запах.

Стоп. А это что?

На юге – там, где начинался город, ночное небо явственно подсвечивалось заревом. Словно там, за деревьями и оврагом, что-то горело. Но не огонь. Видел я однажды зарево от горящего пятиэтажного жилого дома. Не похоже. Цвет другой. И вообще...

Или все-таки пожар? Ладно, разберемся. Я огляделся еще раз и, как был, с обрезом в руке, пошел обратно.

Прошел через лес, прикрывая глаза от веток, выбрался на опушку. Зарево на юге стало ярче. Возник и пропал в отдалении шум мотора. Затем еще один. И еще два подряд. Четыре авто практически одновременно? Очень странно. Тут один-два мотора за день в городе встретишь – уже удивишься.

Я ускорил шаг. Дошел до оврага и остановился, теперь уже в полном недоумении. Овраг исчез!

И овраг, и деревянный мост через него. На их месте тянулась широкая дорожка, посыпанная чем-то вроде кирпичной крошки. Но главное – дальше, где начиналось шоссе, по которому мы с Рошиком примчались сюда, горели – не сойти мне с этого места! – электрические фонари. Несколько штук в ряд по обеим сторонам. И кроме этого я видел такой же электрический свет в окнах. В окнах домов, которых, могу в этом поклясться кому угодно и чем угодно, здесь никогда не было. Что за черт?!

Не могу сказать, что я запаниковал, но стало как-то сильно не по себе. Хмель с меня слетел давно, и я не мог отнести то, что было у меня перед глазами, на шутовский коньяк. А что это тогда – сон, галлюцинация, помрачение рассудка?

На всякий случай ущипнул себя за руку. Видение не исчезло. Надавил пальцем на глазное яблоко. Ближайшее ко мне желтое электрическое пятно окна на третьем этаже не существующего ранее дома раздвоилось.

Значит, не галлюцинация.

Оставалось надеяться на помрачение рассудка, но здесь уже ничего поделать было нельзя. Если я сошел с ума и все это лишь плод моего больного воображения, то так тому и быть. Потому что чувствую я себя совершенно здоровым. Как в физическом, так и в психическом плане. Возбужден немного, но это и все. А кто бы не возбудился на моем месте? Сначала бешеная гонка по ночному Княжечу с последующей стрельбой, теперь это.

Сверху загудело.

Я поднял голову. Надо мной в ночном небе с севера на юго-восток двигалось три огня. Каждый – в вершине треугольника. Два красных и один белый. При этом красные ритмично мигали.

Аэроплан?

В жизни не видел таких колоссальных аэропланов. Даже на фотографических снимках и в синематографе. Собственно, чаще всего только на снимках я их и видел. По-настоящему – лишь однажды, в мае этого года, когда в Княжеч приезжал знаменитый Сергей Уточкин и демонстрировал восторженным горожанам полеты на своем «Фармане-IV», хрупком и неуклюжем, похожем на летающую дачную мебель.

И потом – какой аэроплан ночью?

Продолжая сжимать в руках обрез, я выбрался на дорогу, под свет ослепительно-ярких электрических фонарей. Кажется, только дорога и не изменилась – тот же поворот к городу впереди, та же брусчатка на шоссе. Я чуть подумал, засунул обрез сбоку под ремень стволами вниз так, чтобы он не мешал ходьбе, застегнул плащ и направился по дороге к городу. Пришла мысль, что, возможно, стоит постучаться в какую-нибудь дверь, но... Что я скажу тем, кто мне откроет? Извините, я, кажется, сошел с ума и не понимаю, где нахожусь? Нет, надо было разбираться самостоятельно.

Сзади раздался негромкий, но нарастающий шум мотора, и я, хоть и шел безопасно по обочине, поспешно шагнул в сторону. Мимо на немыслимой скорости, – как мне показалось, не менее пятидесяти, а то и шестидесяти километров в час, промчался автомобиль. Это был точно автомобиль, насколько я успел разглядеть. Горящие фары, четыре колеса.

Но мать божья, до чего же необычный!

Приземистый, обтекаемый, со сплошной, как мне показалось, металлической крышей! Он промелькнул мимо, словно призрак, и скрылся за поворотом дороги впереди. Я внутренне сжался, ожидая визга тормозов и звука удара, но не дождался. Значит, шофер-самоубийца все-таки справился с управлением. Однако если он и дальше будет гонять по улицам на такой скорости, то очень скоро или убьется сам, или убьет кого-то другого. Я постоял, переводя дух, и двинулся дальше.

Тот Княжеч, который я знал, должен был начаться километра через два. Но этот, по которому я шел сейчас, начался уже. Это был пока еще не сам город, а предместья, состоящие большей частью из отдельных, большей частью двухэтажных, домов-усадб – каждый на своем участке, за забором. Но попадались среди них и высокие – пяти-и семиэтажные, хозяева которых, судя по всему, сдавали жилье в наем. Самое забавное, что я узнавал местность. Само шоссе, лесистый холм справа, мост через Полтинку. Но вот все остальное... Особенно когда вошел, собственно, в город.

Такого количества электрического света попросту не могло быть. Но оно было. Желтый, белый, оранжевый, синий, зеленый ярчайший свет всех оттенков и цветов щедро лился из многочисленных уличных фонарей и окон домов, а также надписей явно рекламного характера на фасадах. Тут была и кириллица, и латиница. Какие-то слова и названия, вроде «Цветы», «Кафе Светлана», «Банк Энергия» или «Продукты» я понимал, хотя правописание было тоже очень странное, без «ятей», и шрифт непривычных очертаний. Но некоторые вводили меня в полное недоумение, и я даже не пытался разгадать их смысл. Вот, к примеру, «Клевые Джинсы» – это что? Или «Смартфоны нового поколения. Будь впереди времени!»

И еще – автомобили. Они были везде. Постоянно ехали навстречу и нагоняли сзади. Неожиданно выворачивали из переулков. Мигали фарами, гудели, взрыкивали моторами. Стояли пустые и темные, без шоферов, у тротуаров и даже на них, мешая пройти. Назойливо пахло отработанным бензином. И ни единой – повторяю! – ни единой коляски, двуколки, пролетки, кибитки или даже простой мужицкой телеги.

Ни одной!

А также очень мало прохожих. Правда, и время позднее (мои часы показывали без десяти минут два), но зачем тогда так много света, для кого он?

В какой-то момент я понял, что больше не могу. Ноги дрожали, сердце ходило ходуном, в голове мутилось. Мне нужно было срочно где-то остановиться, успокоиться и подумать. Возможно, получить какую-то информацию, которой мне не хватало, чтобы картинка сложилась. То есть я понимал, что со мной произошло что-то из ряда вон выходящее и вокруг меня был совсем не тот Княжеч, в котором я жил (в том, что это все-таки именно Княжеч, а не какой-то другой город, сомнений не было – я узнавал и улицы, и многие здания), но что именно?

«Кафе-бар «Монтана» – бросилась в глаза переливающаяся каким-то волшебным синезеленым светом надпись на другой стороне улицы. И ниже, ослепительно-белым: «Работаем до последнего клиента!»

Монтана? Кажется, так называется один из штатов Северо-Американских Соединенных Штатов. Ладно, неважно. Главное – работают. Вон дверь только что открылась и выпустила на свежий воздух двух слегка пошатывающихся клиентов. Надеюсь, не последних.

Я шагнул с тротуара, намереваясь пересечь улицу по кратчайшей траектории. Свет фар ударил слева, взвизгнули тормоза.

– Т-твою мать! Куда прешь на красный!! Глаза на ж...пе?! Иди проспись!!!

Терпеть не могу, когда на меня орут. Даже нашему главному это не позволяю, хотя тот орет вообще на всех в редакции. Он это знает и сдерживается. Особенно после того, как я однажды в ответ на крик взял с его стола тяжелое мраморное пресс-папье и запустил в окно. Хорошо, не убил никого внизу, только стекло новое пришлось вставлять. Ну и пресс-папье на куски разлетелось, конечно.

Вот и сейчас. Страх, подступивший к горлу, был мгновенно смыт белой волной холодной ярости, – она всегда накрывает меня в подобных случаях. Шофер, который выскочил из чуть не сбившего меня авто, – выше меня ростом, мордатый дядька с изрядным животом, одетый в темную пару и светлую рубашку без галстука, продолжал что-то орать, но я уже не слышал. Шагнул к нему вплотную, левой рукой сгреб за ворот рубашки, правой вытащил из-за пояса обрез, ткнул стволами в щеку, прижал так, что встопорщилась кожа под металлом и сказал:

– Умолкни. Немедленно.

– Ты... ты что, сдурел? – дядька мгновенно перешел на шепот.

– Я сказал – умолкни!

Он умолк. Только косил глазами на мою руку с обрезом. Я еще нажал стволами. Не слишком сильно, но так, чтобы он почувствовал боль.

– Нужно смотреть, куда едешь. И не орать на людей, которые спокойно переходят улицу. А если бы ты меня задавил?

– Так... я и смотрел, – пролепетал дядька. – Я же на зеленый ехал, а ты... вы на красный пошли. Разве я мог ожидать, что вы на красный свет шагнете? Да еще так неожиданно, сразу. Хорошо хоть небыстро ехал, успел по хамульцам дать...

По хамульцам, надо же. Точно, я в Княжече. Только у нас тормоза называют «хамульцы», из польского языка словечко, как и «брама». Но меня заинтересовало другое.

– На красный свет? – переспросил я.

– Ну да, вон же светофор, – он показал рукой на другую сторону. Там стоял невысокий столб, на котором и впрямь круглым пятном горел красный свет. Вот он мигнул, погас, сменился желтым, перепрыгнув ниже, опять погас, прыгнул еще ниже и загорелся зеленым.

– Зеленый, – все так же шепотом сказал дядька. – Теперь можно идти.

Глаза у него были по-прежнему широко открыты.

Я убрал обрез и отпустил его ворот.

– Спасибо, езжай. И больше не ори на людей. Никогда не знаешь, чем это может закончиться, – сказал я и пошел на другую сторону, убирая на ходу обрез под плащ. Спасибо дядьке за науку, но орать на меня и впрямь не стоило. Мог бы спокойно все объяснить, верно?

Дверь в кафе-бар была полностью стеклянной и, как я установил опытным путем, свободно открывалась в обе стороны. За дверью обнаружилась небольшая площадка и три ступеньки, в глубине коридора, мигал свет и были слышны какие-то ритмичные звуки, которые я, чуть поразмыслив, определил, как необычную музыку.

Поднялся по ступенькам.

Так, справа гардероб. Игнорируем, плащ мне нужен, он очень удачно обрез скрывает. А широкие полы шляпы – лицо. Мало ли что. Вот и зал. Разноцветные электрические светильники под потолком, но не слишком яркие – такие, чтобы создавалось впечатление уюта. Народу мало. Один человек за стойкой, на табурете, спиной ко мне. Мужчина. Трое за дальним столиком слева. Двое молодых мужчин и женщина. Блондинка. Что-то пьют, разговаривают, женщина громко смеется. Остальные столики свободны. Я подошел и сел на табурет за стойку, не снимая шляпы.

– Что можно выпить в вашей кнайпе? – спросил, как можно небрежней.

Мужчина слева допил свое пиво, положил на стол деньги и слез с табурета:

– Все, спасибо, пошел я домой.

– Спокойной ночи.

Деньги! Черт возьми, об этом я не подумал. Выглядели они совсем не так, как те, что лежали в моем бумажнике. С другой стороны, Княжеч всегда славился тем, что здесь можно было расплатиться любыми деньгами. Хоть североамериканскими долларами, хоть английскими фунтами, хоть немецкими марками. Не говоря уже о золотых рублях. Главное, чтобы деньги имели хождение в Европе.

– Все, что пожелаете, – ответил бармен и зевнул. – Есть свежее пиво, местное. Виски, водка, коньяк, ром, – передо мной легла напечатанная на гладкой блестящей бумаге винная карта.

– Шустовский коньяк есть?

– Не завозим. Есть армянский, грузинский, французский, ставропольский, дагестанский. Могу посоветовать ставропольский. Пять звездочек, лучшее соотношение цена-качество, как по мне. Но решать, конечно, вам.

Никогда не слышал о ставропольском коньяке.

– Давайте ставропольского, – сказал я.

– Сколько?

Я подумал. Пятьдесят мало в моей ситуации. Сто пятьдесят, пожалуй, много.

– Сто.

– Лимончик?

– Что?

– Лимон порезать?

– Зачем? – удивился я.

– Как скажете, – он достал коньячный бокал, налил в мерный стакан коньяк, перелил в бокал, поставил передо мной.

– Пожалуйста.

– Спасибо.

Мысль, пришедшая мне в голову, показалась столь нелепой и смешной, что я не выдержал и решил уточнить:

– Прошу прощения.

– Да?

– Не сочтите мой вопрос дурацким. Вы предлагали лимон на закуску?

- Вы иностранец? – спросил он в ответ.
- Что-то вроде этого, – ответил я уклончиво и поднял бокал. – Ваше здоровье.
- Благодарю. Странно, поговору, я не отличил бы вас от коренного княжечанина.
- Когда-то я здесь жил, – сказал я. – Но тогда еще не пил коньяк, ибо был мал.
- Понятно, – улыбнулся он. – Да, у нас часто коньяк закусывают лимоном с сахаром.

Я ничего не понял, но на всякий случай важно кивнул. Традиция закусывать коньяк лимоном показалась мне безумной. Куда же я попал? Чтобы поскорее прийти в себя, сделал глоток коньяка. Н-да, качество так себе, прямо скажем. Такой, наверное, можно и лимоном закусить. Хотя нет, все равно безумие.

Я достал из кармана трубку и кисет, принялся набивать.

- У нас не курят, – сказал бармен, покосившись на мои приготовления.

Час от часу не легче. Сначала коньяк лимоном закусывают, теперь это. Даже не знаю, что звучит невероятнее. Из всех сил стараясь не показать своего изумления, я спросил:

- Как это – не курят? Совсем?

Ответить бармен не успел.

- Да пошли вы на...! – раздалось сзади громко и уверенно. – Козлы вонючие!

Я оглянулся.

Блондинка уже не сидела, а стояла. В углу ее ярко-накрашенного рта торчала незажженная сигарета, и одной рукой она пыталась попасть в рукав плаща так, что я тут же вспомнил утреннюю сцену в редакции. Наконец попала, схватила со стола сумочку и решительно направилась к нам, стуча высокими каблуками.

- Можешь не возвращаться, – сообщил ей в спину один из молодых мужчин.

Не оглядываясь, она протянула назад руку с выставленным средним пальцем. Я не знал, что это значило, но вряд ли жест любезности. Блондинка плюхнулась на соседний табурет, обдав меня сложным запахом духов и алкоголя. Я не большой специалист, но мне показалось, что духи очень хорошие, дорогие. Скорее всего, французские

- Миша, полтос коньяка! Ставропольского.
- Вы уверены?
- Налейте даме, Миша, – сказал я. – За мой счет.

Она посмотрела на меня, я – на нее. Пожалуй, ровесница. Возможно, чуть младше. Не красавица, но и отнюдь не уродина. Хотя волосы, скорее всего, крашенные. Синие глаза. Чудного светло-фиолетового цвета плащ из неведомой мне ткани. Под плащом какая-то светлая то ли кофта, то ли необычного кроя рубашка с открытой шеей. На шее – золотая цепочка с золотым же крестиком поверх (!) кофты.

И еще она была в очень странных штанах. Голубого цвета, плотно обтягивающие ее, по виду, довольно стройные ноги, штаны были порваны в нескольких местах на коленях и выше так, что сквозь прорехи виднелось голое тело. Хм. Или передо мной ярая суфражистка, или я вообще ничего не понимаю. Тем не менее, предположения и выводы пока делать не будем. Во всяком случае, вслух.

- А вот не откажись! – с вызовом произнесла она. – Тебя как зовут?

- Ярослав, – я вежливо коснулся поля шляпы.

Бармен по имени Миша поставил перед ней бокал.

- Ну надо же, – не поверила она. – А меня Ярослава. Бывают же такие совпадения.

Мы чокнулись и выпили за знакомство и счастливое совпадение. Мне показалось, что она не так пьяна, как хочет казаться. С одной стороны, это было хорошо – не люблю пьяных женщин. С другой, затрудняло выполнение плана, который мгновенно возник у меня в голове, как только она села рядом.

- Вы, вижу, хотите курить? – спросил я.

– Давай на «ты», – предложила она. – Терпеть не могу всех этих китайских церемоний. Мы что, москвичи или с понтом интеллигенты-старперы? Тебе сколько?

– Что – сколько? – не понял я.

– Лет сколько?

– А. Двадцать семь.

– М-да. Древний, конечно. Но ничего, сойдет. Если отряхнуть.

Она подмигнула мне левым глазом и приникла к бокалу.

Я хотел спросить, кто и куда сойдет, но не стал. В принципе, все было понятно. Вместо этого обратился к бармену:

– Миша, можно мы все-таки покурим?

– Только на улице, – он покачал головой.

Я разозлился. Что за идиотские правила, в конце концов? Ладно, попробуем иначе.

Достал портмоне, вытащил золотой червонец, положил на стойку:

– Четверть тебе, и мы здесь покурим.

– Ого, – сказала моя новая знакомая трезвым голосом. – Это что? Золотая?

Я промолчал. Бармен Миша старательно делал вид, что червонец ему совершенно не интересен.

– Не хочешь, как хочешь... – я протянул руку к монете.

– Подождите.

Миша взял червонец, покрутил перед глазами. Кажется, даже понюхал. Взвесил в руке.

– Царский червонец. Настоящий?

– Фальшивый червонец из чистого золота? – усмехнулся я. – Это было бы забавно.

– Здесь не ломбард, – сказал бармен. Но я уже видел, что он хочет эту монету.

– А я и не закладываю. Продаю.

– Что ж... Могу предложить пять тысяч. И вы не платите за коньяк. Да, и можете здесь покурить.

– Ну ты, Миша, оборзел, – возмутилась Ярослава. – Совесть есть? Такой сейчас двадцать пять штук стоит, не меньше!

– Так я не против, – сказал Миша. – Продавайте за двадцать пять. Кому-нибудь другому. Какие проблемы?

– Двадцать две, – сказал я. – И мы не платим за коньяк. И покурим.

Ярослава с явным интересом прислушивалась к нашему разговору.

– Восемь, – сказал бармен.

Да, это, действительно, Княжеч. Узнаю.

– Двадцать. Грешно наживаться на земляках, Миша.

– Так платите рублями, и все останутся довольны.

– Я и плачу, – засмеялся я. – Видишь надпись? «Десять рублей».

– Ладно, – хмыкнул он. – Только потому, что вы мне понравились. Пятнаха. На руки – двенадцать. И можете курить, – он достал из-под прилавка пепельницу. – Но штраф, если что, вам платить.

– Само собой.

– Ободрал, как липку, – сказала моя новая знакомая.

– А кому легко? – спросил бармен.

Монета словно по волшебству исчезла с прилавка, и на ее месте появились другие деньги. Четыре бумажки. Две, красноватые, по пять тысяч рублей и две по тысяче, зеленоватые. Как можно небрежнее я сгреб удивительные банкноты, спрятал их в бумажник, а бумажник – в карман.

– Если на руки двенадцать, то ты просто обязан налить нам еще по пятьдесят. В счет того, что мы уже уплатили, – сказала Ярослава.

Мне нравилось это «мы». Услышала, значит, когда я сказал: «И мы не платим за коньяк». И внутренне согласилась. Есть надежда, что на улице сегодня ночевать не придется.

– Хм... – Миша сделал вид, что думает.

– Она права, – поддержал я девушку. – И себя не забудь. Нужно ведь спрыснуть столь удачную сделку.

– Спрыснуть сделку... Забавно. Никогда не слышал, чтобы так говорили. Только читал в старых книгах.

– А я люблю старые книги, – сказал я.

Бармен налил всем, мы выпили и закурили. Мы – это я и Ярослава, Миша оказался некурящим. К этому времени в кнайпе только мы вдвоем и остались, – те двое парней, с которыми поначалу сидела Ярослава, как-то незаметно исчезли. Бармен Миша вышел из-за стойки и направился к их столику – убрать посуду и забрать деньги.

– Проводишь меня? – шепнула Ярослава. – Ты, вроде, нормальный, без закидонов. Надо-ели козлы.

– Я не козел, – сказал я. – И с удовольствием вас... извини, тебя провожу, куда скажешь.

– Тогда пошли.

Я выбил пепел из погасшей трубки в пепельницу, мы слезли с табуретов и направились к выходу.

– До свидания, Миша, – попрощался я, поймав взгляд бармена. – Благодарю.

– До свидания. Заходите еще.

Мы вышли в ночь. Ярослава взяла меня под левую руку. Двинулись по улице налево, по направлению к центру. В моем Княжечке эта улица называлась Варшавской. «Улица маршала И.С. Конева», – прочитал я на табличке ближайшего углового дома. И тут же из-за угла вывернули двое. Те самые, что сидели вместе с Ярославой и кого она обозвала вонючими козлами. Я их сразу узнал и даже не особенно удивился, потому что мысль о том, что такая встреча очень даже возможна, меня посещала.

– А вот и наша курва, – сказал один. – Тебе мама не говорила, что людей козлами нехорошо обзывать?

Раздумывать было некогда и не о чем. Уже отработанным движением я выхватил из-под плаща обрез и ткнул стволами в лоб тому, кто подал голос. Он как раз удобно стоял, чуть впереди.

– На хер отсюда, – сказал я скучным голосом. – Оба. Пока я не передумал оставить вам здоровье.

Щелкнули взведенные курки. Следом раздалось едва слышное журчание, и явственно запахло мочой. Я даже не стал опускать взгляд, чтобы убедиться в том, что произошло с моим визави. И так все было ясно, по его глазам.

– Ну?!

Надавил посильнее.

– А-а-а-а... н-н-н... эм-м-м... – попятился тот, кому по-хорошему надо будет в ближайшее время сменить штаны. Потом развернулся и, толкнув на ходу своего товарища, бросился бежать вверх по переулку. Товарищ не будь дурак развернулся и побежал следом за ним. Несколько секунд, и топот их ног утих.

«Спасибо, Рошик!» – произнес я мысленно и спрятал обрез.

Ярослава прерывисто вздохнула и прижалась грудью к моему плечу. Ночь обещала быть интересной.

Глава 4

Куда ведет след

– Все-таки это удивительно, что здесь так чтут традиции, – сказал Андрей, когда они расположились на открытой веранде ресторана. – Даже старые названия по-польски дублируют. Обычно у нас все наоборот.

– Что имеем – не храним, потерявши, плачем, – кивнула Ирина. – Да, здесь не так. За это Княжеч и люблю. Он всегда стоял наособицу. Но мне другое удивительно.

– Что? – спросил Андрей.

– Год назад у нас была деревня Кержачи. Сейчас – город Княжеч.

– Не понял, – признался Сыскарь. – Извини, торможу.

– Похоже звучат? – догадался цыган. – А если звучат похоже, то и все остальное может похожим образом сложиться.

– Молодец, – сказала Ирина.

– Бабская мистика какая-то, – фыркнул Андрей. – Похоже звучат... Скажите еще – в рифму. Внутреннюю. Фу. Не верю.

– Дело хозяйское, – весело согласился Симай Удача. – Мне вообще по удочке. Что будет, то и будет. Одна живем.

– По удочке – это как? – заинтересовалась Ирина.

– Эх, ты, – сказал Сыскарь. – А еще секретарь на всю голову славного сыскного агентства «Поймаем. ру». Стыдно.

– Пошляки, – секунду подумав, догадалась Ирина и уткнулась в меню. Но тут же не выдержала и рассмеялась.

Подошел вежливый официант, принял заказ: ченахи, салаты (огурчики-помидорчики), хлеб, две кружки местного светлого разливного пива «Княжеч» и бокал белого сухого вина для Ирины. Кроме них, на веранде почти никого не было. Только в дальнем углу слева чокались рюмками с беленькой двое коротко стриженных молодых людей. Блондин и брюнет. Брюнет повыше и поплотнее, блондин пониже, худенький. Что-то отмечали. По едва заметным признакам, понятным лишь ему, и несколькими долетевшим словам и обрывкам фраз Сыскарь понял, что это его коллеги. Точнее, бывшие коллеги, потому что сам он уже довольно давно ушел из полиции. Но по привычке продолжал обращать внимание на «своих».

Пиво и впрямь оказалось выше всяких похвал – свежее, вкусное, с едва заметной горчинкой.

– Как ты на них вышел? – спросил Андрей. – На наших клиентов, я имею в виду.

– Я понял, – сказал Симай. – Парочку дел вместе провернули. Вполне законных. Он был впечатлен, что цыгане его не кинули.

– Не кинули, – повторил Сыскарь. – Надо же. Гляжу, ты быстро адаптировался, словечек нахватался. И вообще. Выглядишь вполне современно.

– Стараюсь. Не так уж это оказалось и трудно. Да что я тебе говорю, ты и сам, помнится, не особо растерялся, когда на триста лет назад нырнул.

– Все-таки есть разница, – сказал Андрей.

– Нету, – возразил Симай. – Тут главное помнить, что люди особо не изменились. Все так же хотят лове и справедливости. Причем одновременно.

Посмеялись.

– Ты уже придумал, с чего начнем? – спросил Симай.

– Сам что думаешь?

– Ты спец. Но я бы для начала проверил, не загуляла ли деваха. Родителям веры нет, неизвестно, как они ее прижимали. Надоело, терпелка у молодых да ранних быстро ломается, вот и ушла – поминай как звали. Сплошь и рядом такое.

– Правильно мыслишь, – кивнул Андрей.

Ирина достала блокнот, черкнула короткую запись и сказала:

– Надо еще раз с подругами и друзьями поговорить. С одноклассниками. И обслуживающим персоналом. Шофером, что нас вез, секретарем в доме, или кто он там.

– Это само собой, – сказал Андрей. – Странно, что ни компьютер, ни соцсети ничего не дали. Обычно хоть какую-то зацепку, хоть намек можно найти. Молодежь беспечна. А тут – сплошные котики, ми-ми-ми и обычные девичьи глупости в личной переписке.

– Ничего вы, грубые мужики, в наших нежных девичьих глупостях не понимаете, – сообщила Ирина.

– Ясное дело, – согласился Андрей.

Принесли ченахи.

Некоторое время все молча ели. Ченахи оказались выше всяких похвал, и Андрей сам не заметил, как умял весь немалый горшочек, время от времени запивая еду пивом.

– Да пошел он на хрен! – долетело из угла, где сидели менты. – Я ему кто, мальчик на побегушках? Давай-ка лучше еще по пятьдесят...

– Давай. И по пиву!

– Легко.

Со стеклянистым звуком стукнулись друг о друга рюмки.

Неожиданная мысль впрыгнула Сыскарю в голову, словно рискованный пассажир в тронувшийся вагон поезда. Как раз и официант подошел.

– Еще четыре пива, – сказал Андрей. – Два нам и два вон за тот столик, – он показал глазами.

– Хорошо. Что-нибудь еще?

– Пока все.

Ирина и Симай с интересом посмотрели на Андрея.

– Мне кажется, эти ребята могут нам помочь, – сказал он негромко. – А могут и не помочь. Скоро выясним.

Официант принес пиво. Сначала за их столик, потом за «ментовский». Оттуда на них с удивлением посмотрели. Андрей отсалютовал кружкой. Две кружки поднялись в ответ.

– Пойду, поговорю, я скоро.

Он прихватил свою кружку и подошел к чужому столику:

– Здравствуйте, есть минутка?

– Мы тебя знаем? – спросил блондин.

– Вряд ли, – Сыскарь поставил на стол кружку с пивом, протянул руку, улыбнулся дружелюбно. – Андрей Сыскарев. Из органов ушел капитаном.

– Бывший коллега, значит, – протянул блондин. – Понятно.

Но руку в ответ протянул и даже привстал с места:

– Толя. Что ж, присаживайся Андрей Сыскарев.

– Можно – Сыскарь, – сказал Андрей.

Брюнета звали Юрой. Андрей не ошибся. Оба оказались операми УВД города в звании старших лейтенантов. Отчего они в разгар рабочего дня обедают с водкой в кафе-ресторане, Андрей благоразумно спрашивать не стал. Да и водки ребята выпили, как он обратил внимание, пока что в меру – по сто пятьдесят максимум.

– Частный сыщик, – повторил блондин Толя, когда Андрей сообщил, чем зарабатывает на хлеб насущный, и показал удостоверение. – Да еще из Москвы. По делу приехал или так,

погулять? В Княжеч многие погулять приезжают, особенно последнее время. Модно стало. Архитектура, брусчатка, девчонки красивые, то, се.

– По делу. Можно сказать, командировка. Но город мне действительно нравится.

– Всем нравится, – сказал немногословный Юра и добавил: – Ты приехал и уехал, а нам здесь жить и работать.

– Э...

– Не обращай внимания, – усмехнулся Толя. – У Юры иногда бывают пророческие настроения, – он обернулся через плечо, посмотрел на Ирину и Симая, которые делали вид, что оживленно беседуют. – А это кто?

– Вместе работаем. Можно сказать. Коллеги.

– Кругом одни коллеги, – буркнул Юра. – Жопу спрятать некуда.

– Так что надо-то? – прямо спросил Толя. – Ты ж не просто так пиво поставил и подошел. Узнать что-то хочешь.

– Хочу, – не стал скрывать Андрей. – Меня интересует, не пропал ли кто-нибудь за последние три дня. Из взрослых людей. От шестнадцати до шестидесяти. Заявления граждан.

– Сводку надо смотреть, – сказал Толя задумчиво.

– Это проблема?

Толя и Юра молчали, потягивая пиво. Андрей полез в карман, достал и выложил на стол столондаровую бумажку:

– Диктофона у меня нет, скрытой камеры тоже, документы мои вы видели. Ребята, мне действительно нужна инфа. Человек пропал, я его ишу.

– Заявление на человека было? – поинтересовался Юра, и Андрей заметил, что деньги как-то совершенно незаметно исчезли со стола.

– Мне сказали, что не было. Но всякое может быть.

– Если не было, зачем тебе сводка? – искренне удивился Юра.

– Я тебе потом объясню, – сказал Толя. Он явно соображал быстрее товарища. Перевел взгляд на Сыскаря:

– Хорошая мысль... коллега.

– Спасибо.

– Три дня, значит?

– Да.

Толя и Юра переглянулись, Толя медленно закрыл и открыл глаза. Юра достал из внутреннего кармана смартфон, включил, полистал:

– Та-ак, сейчас поглядим... Это не то, это ребенок, нашелся, слава Богу... Еще ребенок... Ага, вот. Вчера заявление принято. Некая Наталья Романовна Дерюгина. Мать. Заявила, что пропал сын Олег. Семнадцать лет. В школе характеризуется положительно, приводов нет. Три дня назад ушел из дома и не вернулся.

– Им уже кто-то занимается? – спросил Андрей.

Толя и Юра засмеялись.

– Ага, – сказал Юра. – Землю роют. Ты прямо как неродной. Три дня всего прошло, ты что? Загулял хлопец, скорее всего, самый возраст. Проголодается – вернется.

– Поговорить можно с матерью? Как там ее... Дерюгиной Натальей Романовной.

– Почему нет, – сказал Толя. – Запиши. Дерюгина Наталья Романовна, улица Глубокая, дом одиннадцать, квартира шесть. Телефон...

Он продиктовал телефон Дерюгиной, потом они обменялись телефонами друг друга. «На всякий случай», – сказал Толя. И Сыкарь охотно согласился, что случаи могут быть разные. Допили пиво, после чего товарищи опера подозвали официанта, расплатились и ушли. Судя по всему, весьма довольные встречей. «А чего им быть недовольными? Сто баксов просто так

на дороге не валяются, – подумал Сыскарь, – а тут, считай, сами в руки упали». Он вернулся за свой столик.

– Поймал что-нибудь? – спросил Симай.

– Пока не знаю...

Он набрал номер телефона Дерюгиной. Женщина ответила почти сразу. По одному ее голосу – взволнованному и громкому было сразу понятно, что она ждет звонка. Хотя какого-нибудь.

– Да! Кто это?!

– Наталья Романовна?

– Да-да, алло, это я, кто это?!

– Успокойтесь, пожалуйста, Наталья Романовна, не кричите так, я вас прекрасно слышу. Меня зовут Андрей. Андрей Сыскарев. Здравствуйте. Мы можем поговорить?

– Вы... кто вы?

– Андрей Владимирович Сыскарев. Бывший капитан полиции, а ныне частный сыщик. В числе прочего занимаюсь поиском пропавших людей.

– Полиция поручила вам найти моего Олежку?!

– Скажем так, я ей помогаю в этом деле. Мы могли бы встретиться и поговорить?

– Да! Да! Конечно!

– Когда и где?

– Я дома сейчас, взяла неделю отпуска... Можно у меня, если вам удобно.

– Удобно. Со мной будут двое моих коллег, ничего?

– Ничего. Только... – голос женщины потерял взволнованность, в паузе, которая возникла, слышался если не скрытый стыд, то явное смущение. Как будто собеседнице неудобно было в чем-то признаваться.

– Что? – спросил Андрей. – Если вам неудобно, давайте встретимся в другом месте, никаких проблем.

– Мне удобно. Просто... Понимаете, холодильник пустой, мне вас и угостить нечем. Только чай.

– Господи, Наталья Романовна, ничего не надо. Мы... – он представил себе, что переживает мать, чей сын исчез три дня назад, и от него нет ни малейшего известия. Сидит на телефоне, небось, обзванивает, кого может, включая больницы и морги. Не спит и не ест. – Может быть, вам привезти чего-нибудь?

– Нет-нет, что вы... – испуганно начала она.

– Хлеба и молока возьмем обязательно, – прервал Андрей безапелляционно. – Ждите нас дома, никуда не уходите, мы скоро будем. Адрес правильный? – он продиктовал.

– Да...

– Ждите.

– Все, расплачиваемся и поехали, – сказал он, пряча телефон. – Поговорим с женщиной по имени Дерюгина Наталья Романовна. У нее ровно три дня назад пропал сын по имени Олег. Семнадцать лет. В школе, как мне было сказано, характеризуется положительно, приводов в полицию не было.

– Так вот зачем ты к тем двоим подсел! – воскликнула Ирина. – Но как ты догадался, что они...

– Менты? – Сыскарь засмеялся. – Ну, это сразу видно.

Симай коротко свистнул и махнул рукой официанту. Тот подошел с каменным лицом, спросил, не выдержав:

– Вы людей всегда свистом подзываете или только собак?

– Принеси-ка нам расчет и не лезь в фуфырь, – добродушно сказал цыган. – Там все равно пусто. Я все выпил.

– Что ты с ним так? – спросила Ирина, когда молодой человек ушел за расчетом. – Нормальный, вроде, парень.

– Извини, привычка, – ответил Симай. – Но если бы не ты, я даже извиняться бы не стал.

– Какой ты был, такой и остался, – фыркнула Ирина. – Дикарь средневековый.

– Ага, – демонстративно расправил грудь Симай. – Я такой. Главное, что заметил, девкам нравится. Что тогда, что сейчас.

– Вот именно, что девкам, – сказала Ирина.

– Люблю девок! – с энтузиазмом воскликнул Сыскарь. – Молодых, горячих и этих... как его... Без комплексов, вот!

– Любить, Симай, можно женщину. А тех, о ком ты говоришь, можно любить трахать. Или, смягчая формулировки, любить с ними проводить время.

– Во загнула! – восхитился кэрдо мулеса. – Люблю тебя – не могу.

– Ладно вам, – прервал их пикировку Андрей. – Скажите лучше, улица Глубокая далеко отсюда?

– Не помню такой, – сказала Ирина. – Посмотри по карте.

– Полчаса скорым шагом, – подсказали сбоку. – Лучше взять извоз... То есть, я хотел сказать, шофера.

Андрей повернул голову. Рядом с их столиком приостановился человек, который, видимо, только что поднялся на террасу ресторана. Был он молод, среднего роста, говорил со странным едва уловимым акцентом, который Андрей не смог определить, и был также довольно странно одет: длинный застегнутый на все пуговицы какой-то невероятно старомодный темно-серый с зеленоватым отливом плащ, широкополая черная фетровая шляпа, на ногах – изрядно заляпанные грязью ботинки. И не джинсы, а черные брюки. Тоже, кстати, заляпанные грязью. Не так, чтобы очень сильно, но заметно. Хм, на улицах, вроде, чисто...

– Шофера? – переспросил Андрей. – В смысле, такси?

– Да, разумеется, – поспешно согласился нежданный советчик. – Я не местный, извините.

После чего поспешно отошел, сел через два столика на свободное место и принялся с интересом оглядываться по сторонам.

– Он прав, – сказал Симай. – Вызовем такси.

Ехать оказалось действительно недалеко. Впрочем, как успел заметить Сыскарь, в Княжече все было недалеко. По московским меркам, разумеется. Компактный город. И в тоже время удивительно разнообразный. Вот только что их окружали хоть и старые, прошлого и позапрошлого веков, но вполне респектабельные и даже местами шикарные здания в пять и более этажей, а ноги ступали по хорошо отремонтированным плиточным тротуарам и тщательно уложенной брусчатке проезжей части. Теперь же, всего в каких-то двух километрах, плитка и брусчатка превратилась в изношенное, все в ямах, заплатках и трещинах асфальтовое покрытие, а двух-и трехэтажные дома выглядели не просто старыми – откровенно дряхлыми. Причем казалось, что таковыми они пребывают уже не первое десятилетие. Облупившаяся штукатурка грязно-охряных и серых стен, ржавые водосточные трубы, покосившиеся входные двери, лохмотья некогда белой краски на оконных рамах, дерево которых давно почернело от дождей и нужды.

Улица Глубокая сначала ныряла довольно глубоко вниз, а затем карабкалась вверх, полностью оправдывая свое название. Двухэтажный дом под номером одиннадцать находился примерно в середине спуска. Они расплатились и вышли из такси.

– Тусклое местечко, – сказал Симай, оглядываясь.

– По-разному люди живут, – философски заметил Андрей и пошел в арку, ведущую во двор и к лестнице на второй этаж.

Квартира Натальи Романовны Дерюгиной была под стать дому – невзрачной и обшарпанной. Одна, хоть и довольно большая комната на втором этаже, маленькая, не более четы-

рех квадратных метров, кухонька. Имелась тесная прихожая с вешалкой для одежды на стене, покрытой дешевыми бумажными обоями желтоватого цвета, имелась и шаткая дверь, ведущая в совмещенный с ванной санузел.

– Не разувайтесь, – предупредила Наталья Романовна, когда они вошли и представились. – Все равно убираться надо. Проходите в комнату. Чаю?

– Обязательно, – улыбнулся Сыскарь и протянул женщине пакет с продуктами.

– С молоком, свежими булочками и сахаром. А?

Через пять минут все сидели за большим овальным столом в комнате и пили чай. Разговор сразу налачился. Наталья Романовна, уставшая сорокалетняя женщина с робкой улыбкой, жила одна с сыном Олегом.

– Муж давно ушел, – сообщила он бесхитростно. – Когда я Олежку еще носила. Да и не муж он был – так, на погулять. Хотя я надеялась, конечно. Пришлось одной сына растить.

– А ваши родители? – участливо спросила Ирина.

– Сирота я, – объяснила Наталья Романовна. – Мама с папой рано умерли. Мне девятнадцать всего было. Девчонка, можно сказать. Сначала папа, потом и мама почти сразу. Не выдержала разлуки. Эта квартира, – она обвела взглядом комнату, – от них мне досталась.

После недолгих расспросов выяснилось, что друзей у ее сына Олега практически не было. Он катастрофически не совпадал со своими сверстниками в школе и на улице. Рос без отца, любил читать книжки (в основном, фантастику), много сидел в интернете, спортом не увлекался (хотя хилым и болезненным его назвать было нельзя), к деньгам был равнодушен, учился всегда очень хорошо. И если первое в этом не самом благополучном районе города случалось сплошь и рядом, то последнее особенно не нравилось местной шпане, которая училась с ним в одной школе. А точнее, не училась, проводила время. Олега не трогали только потому, что он здесь родился и вырос, и считался, вроде как, своим. Знакомая формула: семья не без уroda, но это свой урод.

Хорошая учеба легко проверялась отметками в дневнике. Любовь к чтению – обилием бумажных книг на полках и электронных в памяти старенького компьютера. Что же касается его остальных качеств, то судить о них со слов любящей матери было, вероятно, опрометчиво, но Андрей почему-то Наталье Романовне верил. Было видно, что женщина говорит искренне. В том смысле, что старается быть объективной и максимально помочь следствию.

«Помочь следствию, надо же. Знала бы она, что на самом деле исчезновение ее сына заинтересовало нас лишь постольку поскольку... Но – нет. Не надо ей об этом знать, лишнее».

Вслух Андрей спросил:

– Наталья Романовна, Олег все вам про себя рассказывает? То, что его волнует, интересует, беспокоит? Или он скрытный по натуре?

– Как вам сказать... Он не скрытный. Это я на работе все время, лишнюю копейку заработать стараюсь, сыном некогда заниматься, даже поговорить толком... То времени нет, то сил. Я уж и так Богу благодарна, что он таким хорошим вырос. Не хулиган, ни вина, ни пива не пьет, не курит, мне помогает, чем может, – она вздохнула, поднялась, достала из ящика письменного канцелярского стола, на котором стоял монитор компьютера, общую тетрадку, протянула. – Вот, нашла сегодня утром. Может быть, это поможет?

«Офигеть, – подумал Сыскарь, уже догадываясь, что это. – В наше время?!»

Это действительно был дневник. На бумаге. Заполненный еще подростковым, не до конца оформившимся, но вполне красивым и разборчивым почерком. Просто какой-то чудной сюрприз. Словно встретил в подмосковном лесу енотовидную собаку, пригляделся, – а это натуральный енот.

Он сразу посмотрел в самый конец и прочел запись от шестнадцатого сентября, последнюю в дневнике. «Согласилась! Завтра, завтра! завтра!! на том же месте. Спасибо Тебе, Господи!»

И кто это таинственная «она»? Просмотрел еще несколько записей. Не то, не то...

– Может, мы комп глянем пока? – предложила Ирина.

– Чтобы времени не терять, – добавил Симай.

– Гляньте, – рассеяно кивнул Сыскарь, – отчего же не глянуть...

Ага, вот оно! Длинная запись от двадцать пятого августа.

«Сегодня собирал грибы и познакомился с девушкой. Смешно звучит, но уж как есть. Она была не одна, с компанией. Богатенькие явно. Устроили пикник на моей любимой поляне. Хотя никакая она не моя, конечно. Близко я к ним не подходил – так, посмотрел из-за деревьев. И вдруг слышу сзади голос: «Ой, это у вас грибы? Можно посмотреть?» Я обернулся и, кажется, на несколько секунд остолбенел – такой она мне показалась красивой. Нет, не показалась. Она и была красивой. Красивой и какой-то... родной, что ли. Не знаю, как сказать. Я ничего и не сказал – просто молча протянул ей корзину, как дурак. Она заглянула в нее, засмеялась, и от ее смеха у меня на какое-то время остановилось сердце. «О, много. Вы, наверное, хороший грибник. Тут же все подчистую выгребают, наверное. Город-то рядом». Я ответил что-то вроде «места знать надо», а потом меня, как толкнуло. «Хочешь, – говорю, – забирай. Дарю. Я себе еще собираю». Потом только сообразил, что она ко мне на «вы» обращалась, а я к ней сразу на «ты». Нехорошо получилось. Тут ее позвали, она ушла, и так я узнал имя. Самое красивое имя, которое я когда-либо слышал. Данная Богом».

– Скажите, – Андрей обратился к Наталье Романовне, которая встретила его взгляд все теми же встревоженными глазами. – Ваш сын ничего не говорил о своем знакомстве с девушкой по имени Богдана? Богдана или Дана.

– Богдана? – она нахмурилась, вспоминая.

– Вот, посмотрите, здесь про нее написано, – он показал запись в дневнике.

Она неуверенно взяла тетрадку, опустила глаза, мучительно зашевелила губами. Покраснела. Снова подняла глаза, в которых по-прежнему плескались тревога и боль.

– Мне... понимаете, у меня болезнь, дислексия. С детства. Мне очень трудно читать. Почти невозможно. Сразу начинает болеть голова и... – она умолкла, отдала тетрадку Андрею. – Я потому вам и показала, сама не смогла прочесть. Говорите, Богдана? Нет. У них в классе, кажется, есть девочка с таким именем, но они давно знакомы.

– Вы в поведении своего сына ничего необычного не заметили за последний месяц?

Она горько вздохнула.

– Я же вам говорила – то времени нет, то сил... Хотя... Мне показалось, что он как-то радостней стал, что ли. Улыбался чаще. Недавно схватил меня в охапку и давай по комнате кружить. Я ему: «Ты с ума сошел, отпусти!» А он смеется: «Как хорошо жить, мама!»

– Это не шестнадцатого сентября было?

Женщина задумалась:

– Вы знаете, кажется, – да, шестнадцатого. Как вы догадались?

– Еще один вопрос. Наталья Романовна, ваш сын любил собирать грибы?

– Да, очень. Любил, знал, где растут, разбирался в них. Домой приносил, я их жарила, мариновала. Все меньше на еду денег тратить.

– А где собирал, ездил куда-то?

– Да ну, куда ездить? Вокруг Княжеча-то полно грибов в лесах, знать только надо места. Он в Горькой Воде часто собирал. Я говорила ему, чтобы не ходил туда, нехорошее это место, но он... – ее глаза вдруг расширились, она подняла ко рту сжатый кулак, закусил палец. – Вы думаете... Вы думаете, он там пропал? В Горькой Воде, или в Черногорье забрался и... там исчез?!

«Все-таки голова у нее явно слабовата, – подумал Сыскарь. – Жалко бабу. Но тут ничего не поделаешь. Спасибо хоть правду говорит».

– Мы пока ничего такого не думаем, – сказал он веско. – И вам не советуем заранее расстраиваться и волноваться, – он посмотрел в спины Ирины и Симая. – Ребята, нашли что-нибудь?

– Пусто, – не оборачиваясь, ответила Ирина. – Нет зацепок.

Симай же обернулся и явно хотел что-то сказать, но, поймав предостерегающий взгляд товарища, передумал.

– Хорошо, – сказал Сыскарь. – Наталья Романовна, спасибо за чай и честные ответы. Мы пойдем, делом займемся. Еще один вопрос напоследок. Ваш сын религиозен? В Бога верит?

– Да, – ответила она просто. – По воскресеньям мы в церковь на службу всегда вместе ходили... ходим, – поправилась она. – А что, это имеет значение?

– Пока не знаю, – он поднялся. – Телефон не выключайте, пожалуйста, и держите при себе. Дневник мы с собой пока возьмем, ладно? Потом вернем.

– Конечно, конечно, берите.

– Фотографии Олега нашли? – спросил Андрей у Ирины и Симая.

– Есть несколько, – ответила Ирина. – Сгодятся. Я перебрала себе.

– Вы не против? – он посмотрел на Наталью Романовну, которая испуганно переводила взгляд с него на Ирину и обратно.

– Что вы, что вы, берите все, что надо. Только найдите моего Олеженьку, пожалуйста, найдите его, я, вот... подождите, – она метнулась на кухню и быстро вернулась, зажимая в кулаке две пятитысячные купюры. – Вот, возьмите, копила ему на новый компьютер, только сейчас зачем? Возьмите!

– Наталья Романовна! – повысил голос Андрей. – Прекратите немедленно это безобразие и спрячьте деньги. А то мы обидимся.

– Спасибо, спасибо вам... – у нее задрожали губы, и Андрей, Ирина и Симай поспешили покинуть квартиру.

Когда вышли на улицу, часы показывали половину пятого. Дождя не было, но небо заволгло низкими серыми облаками. К тому же заметно похолодало, и сразу становилось понятно, что вокруг уже сплошная осень, а впереди только зима.

– Рассказывай, – потребовал Симай.

– Когда здесь темнеет? – Андрей, посмотрел на небо.

– Часа через два.

– Нормально, успеем.

– Что успеем? – поддержала Симая Ирина. – Может, действительно расскажешь?

Они дошли до крохотного чухлого сквера с одинокой скамейкой. Уселись, и Андрей вкратце поведал о своих догадках и показал записи в дневнике.

– Ты думаешь, они могли тайно встречаться? – в голосе Ирины слышалось недоверие. – Так, чтобы никто не знал и не догадывался? В наше-то время? Ни одного снимка в соцсетях и даже просто в памяти компа? Как такое может быть? Я видела их аккаунты. Ни малейшего намека.

– Зато здесь, – Сыскарь щелкнул ногтем по тетрадке, – их хоть отбавляй.

– А я верю, – сказал Симай. Он откинулся на спинку, закинул ногу за ногу, сдвинул шляпу на затылок. – Правильно ты, Андрюха, рассуждаешь. Богом данная – это и впрямь Богдана. Кто же еще? Имя редкое, даже для Княжеча. Он пишет, что пикник, на котором она была, устроили явно богатенькие детки. А наша Богдана из богатой семьи. Он же, наоборот, из бедной. Даже очень бедной, я бы сказал. Они из разных сословий. Небо и земля. Встретились. Любовь вспыхнула, как сухой хворост жарким днем. От одной искры. Так бывает, уж я-то знаю. И что им делать? Родителям не расскажешь, сразу в штыки, а то и дверь на замок. Я ее родителей имею в виду. Друзьям-подругам – засмеют. Да и нет их особо, друзей-подруг сердечных. Нач-

нешь по сети общаться – тут же вычислят, все станет известно. Значит, строжайшая тайна и... как это слово, забыл, кон... конп... – он прищелкнул пальцами.

– Конспирация, – подсказала Ирина.

– Во! Она самая. Опять же, это страшно интересно. Завлекательно. Знают только они и больше никто. Запретный плод! И только они его вкушают. Чистый кайф! – закончил он словечком, которого от него совершенно не ожидали ни Андрей, ни Ирина, и поцеловал пальцы, сложенные щепотью. Потом секунду подумал и восхищенно добавил:

– Эй, а если они убежали? Едут сейчас в поезде где-нибудь за тыщу верст... Россия-то велика по-прежнему.

– Паспорта, деньги, вещи, – сказал Андрей. – Все на месте, мы проверяли. Забыл?

– Помню, – сказал цыган. – Но лично меня это бы не остановило.

– Кто бы сомневался, – сказала Ирина. – Ты на триста лет вперед прыгнул, как к себе домой, а они дети. Без денег и документов пропадут.

– Надо ехать в эту Горькую Воду, – сказал Андрей. – Оглядеться, пока не стемнело. Есть у меня подозрение, что они там могли встречаться. Далеко это?

– Здесь все близко, – сказал Симай. – Только сначала давай на нашу квартиру заедем.

– Зачем?

– Пистолы возьмем, – просто ответил кэрдо мулеса. – На всякий случай.

Ирину они оставили дома, хоть та и возражала. Впрочем, не особенно упорно. Видимо, в глубине души понимала, что туда, куда двое мужчин направляются с оружием, девушке лучше не ходить. Особенно, на ночь глядя.

– Откуда дровишки? – поинтересовался Сыскарь, вытаскивая магазин и передергивая для проверки затвор двенадцатизарядной Беретты-86.

– Разжился по случаю. У меня такой же. Не беспокойся, стволы чистые, крови на них нет. А если и есть, то не в России.

– Утешил, – пробормотал Андрей. – Кобуры?

Симай развел руками.

Спрятали оружие за ремнями под куртками, рассовали фонарики и запасные магазины по карманам, вышли на улицу, где уже ждало вызванное такси (после некоторого размышления машину решили оставить в распоряжении Ирины). По дороге до Горькой Воды водитель, безошибочно распознав в Андрее приезжего москвича, охотно делился страшными легендами о лесопарке:

– Назвали так, потому что много горьких слез матери за своих деток, тут пропавших, за столетия пролили. Целый пруд набрался тех слез. Красивый. Но вода и впрямь горькая.

– Лилии там цветут? – спросил Андрей.

– Что?

– Лилии, говорю, цветут в пруду?

– Не знаю, не видел, – таксист не оценил иронии. – Княжечане редко туда ходят, всегда так было, сколько себя помню.

– Так там что, и впрямь люди пропадают? – сменил тон Сыскарь.

– Натурально, – важно кивнул таксист. – В позапрошлом году дочка моей соседки пропала. Катька. – Четырнадцать лет. Три дня не было, мать поседела. Обыскали все, до самого Черногорского массива дошли. Ноль. Никаких следов.

– Так и не нашли? – поинтересовался Симай.

– Почему, нашли. Через неделю в другом городе. Оказывается, с матерью поругалась накануне и махнула к подруге. У той как раз родители уехали, оставили ее одну, – он засмеялся.

Симай и Сыскарь промолчали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.